

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

ОТ ВЕКА ИМПЕРИЙ
ДО НАШИХ ДНЕЙ

Адиб Халид

Адиб Халид

**Центральная Азия: От века
империй до наших дней**

2021

УДК 94(57)"17/20"
ББК 63.3(54)5

Халид А.

Центральная Азия: От века империй до наших дней / А. Халид —
2021

ISBN 978-5-0022-3329-8

Центральная Азия до сих пор нередко воспринимается как отдаленная территория, находящаяся «на периферии» современной истории. Но на деле этот регион, в котором расположены Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан, Кыргызстан, Казахстан, а также китайская провинция Синьцзян, стоит на перекрестке мировых событий. Адиб Халид представляет первую всеобъемлющую историю Центральной Азии с середины XVIII века до наших дней. После 1700-х годов народы региона попали под власть России и Китая. Американский ученый-историк пакистанского происхождения, Халид показывает, как иностранное завоевание вовлекло жителей Центральной Азии в глобальный обмен товарами и идеями и привело к установлению более тесных связей с остальным миром. Не стоит забывать, что ход истории Центральной Азии ни предопределен, ни неизбежен. Все сложилось так, как сложилось, ввиду исторических событий и случайностей. В фокусе его исследования и то, как империи-завоевательницы, а потом коммунистические государства СССР и КНР справлялись с этнической неоднородностью региона, с присущими ему национальными и культурными различиями, а также то, как исторические силы и тренды, от колониализма и социальных революций до национализма и государственной политики модернизации, сформировали современный облик Центральной Азии. Если социализм – это победа пролетариата, то что эта победа означает для Центральной Азии, где нет промышленности, а значит, нет и пролетариата?

УДК 94(57)"17/20"

ББК 63.3(54)5

ISBN 978-5-0022-3329-8

© Халид А., 2021

Содержание

Сокращения	8
Введение	9
Глава 1	19
Империя	30
Глава 2	31
Глава 3	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43
Комментарии	

Адиб Халид

Центральная Азия: От века империй до наших дней

Текст публикуется в авторской редакции

Переводчик: Анна Попова

Научный редактор: Артем Космарский, канд. соц. наук

Редактор: Лев Данилкин

Издатель: Павел Подкосов

Руководитель проекта: Александра Казакова

Ассистент редакции: Мария Короченская

Арт-директор: Юрий Буга

Корректоры: Ольга Петрова, Ирина Панкова

Верстка: Андрей Ларионов

Иллюстрация на обложке: Alamy

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Princeton University Press, 2021

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2024

* * *

Адиб Халид

ЦЕНТРАЛЬНАЯ
АЗИЯ

ОТ ВЕКА ИМПЕРИЙ
ДО НАШИХ ДНЕЙ

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

МОСКВА
2024

Сокращения

ВТР – Восточно-Туркестанская республика
ГМД – Гоминьдан (Китайская национальная партия)
КГБ – Комитет государственной безопасности СССР
КНР – Китайская Народная Республика
КПК – Коммунистическая партия Китая
НДПА – Народно-демократическая партия Афганистана
НКОТ – Национальный комитет объединения Туркестана
НОАК – Народно-освободительная армия Китая
НПО – неправительственная организация
САДУМ – Духовное управление мусульман Центральной Азии и Казахстана
СПСК – Синьцзянский производственно-строительный корпус
ЮНЕСКО – специализированное учреждение Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры

Карта 0.1. Центральная Азия сегодня

Введение

Когда при распаде Советского Союза республики Центральной Азии вышли на мировую арену, внешний мир с этим регионом был практически не знаком. Его сложная современная история разворачивалась вдали от чужих глаз, о том, что там происходило, мало кто слышал, а источники информации скрывались за семью печатями. В мире было мало специалистов по этому региону, а сторонние наблюдатели с трудом находили способы разобраться в этой теме. Первоначально новые государства показались внешнему миру искусственными, слабыми, лишенными какой бы то ни было истории или легитимности и – в перспективе – шаткими и нестабильными. Пытаясь осмыслить непонятные им текущие события, политические комментаторы ссылались на прошлое: чтобы понять, что за государства там появились, использовались клишированные представления о Великом шелковом пути и Большой игре; самым же простым инструментом оказалась экзотизация. Заметки о Центральной Азии рисовали в воображении картинку с бескрайними холмистыми пастбищами, по которым на лошадях скачут кочевники, со средневековыми минаретами и куполами и с местными жителями, облаченными в национальные костюмы. По правде сказать, подобный феномен экзотизации характерен не только для Запада. Японский документальный фильм 1980-х годов тоже представлял этот регион в экзотическом свете, и в нем были неспешные эпизоды с верблюдами, бредущими по пустыням под музыку Китаро в стиле нью-эйдж. Сегодня Синьцзян – экзотическое направление внутреннего туризма для самих китайцев, а для мусульманского мира в широком смысле названия Самарканд и Бухара полны ассоциаций со средневековым величием и роскошью, опять же, никак не связанных с современностью. В лучшем случае такого рода представления романтизируют Центральную Азию и лишают ее исторического измерения. В худшем случае превращают этот регион в чистый лист, на котором кто угодно может написать все, что ему заблагорассудится. В Центральной Азии снимали несколько голливудских боевиков, в которых фигурировали довольно сомнительные персонажи, а в 2006 году – фильм «Борат», где британский комик Саша Барон Коэн исполняет роль вымышленного авторами казахского репортера, отправившегося в Соединенные Штаты, чтобы продемонстрировать наивность и легкоеверие жителей западного мира. Однако Казахстан, представленный в фильме, не имеет ничего общего с реальной страной. Сцены, где действие якобы разворачивается в Казахстане, вообще снимались в Румынии, да и в целом фильм создает не имеющий никакого отношения к действительности образ страны. Для Коэна Казахстан в фильме – просто воплощение экзотики, чего-то непостижимого, инакового.

Не исключено, что в какой-то степени это было неизбежно. На протяжении большей части периода Нового времени Центральная Азия была скрыта от внешнего мира. Территорию Евразии весь XIX век делили между собой две соседние империи – Россия и Китай. На политической карте мира Россия и Китай выглядели цельными объектами. Их легко было представлять как нечто однородное, а не как разнородные имперские территории, каковыми они, по сути, являлись. Ровно так все это и воспринималось. На протяжении почти всей истории Советского Союза для внешнего мира все его территории были Россией. Когда я впервые отправился в Вашингтон, я удивился, увидев в метро указатель с надписью «Русское [или российский] посольство». Шел 1984 год, и холодная война становилась все напряженнее, а американские институты – не говоря уже об американской общественности – даже не отличали Россию от Советского Союза и не обращали внимания на многонациональный характер своего главного противника. Что до Синьцзяна, то он был, пожалуй, еще более невидимым и считался некоей полузагадочной (и экзотической) частью страны, именуемой Китаем. При этом и в самих-то этих неблизких империях Центральная Азия располагалась где-то на задворках, о которых мало что было известно даже тем, кто специализировался на изучении одной из них

или сразу обеих. При царе Центральная Азия рассматривалась как чувствительный в военном отношении регион, и поездки туда иностранных подданных ограничивались. Советская власть была еще сильнее одержима секретностью, так что на протяжении большей части истории СССР Центральная Азия оказалась и вовсе недоступной для посторонних. Я вырос в Пакистане, который от Центральной Азии отделяет Памир. Ташкент, в то время крупнейший город региона, находился всего в 1200 км от моего родного города Лахора, но с таким же успехом он мог бы существовать на другой планете. Добраться туда было трудно, а новостей о том, что там происходит, было мало. Именно это чувство изумления по отношению к краю, такому близкому и в то же время такому далекому, столь знакомому и при этом совсем другому, легло в основу моего интереса к Центральной Азии. С окончанием холодной войны и распадом Советского Союза ситуация изменилась. Центральная Азия уже не была в изоляции. Теперь это ключевое место для инициативы «Один пояс – один путь» – амбициозного плана Китая по преобразованию транспортной и торговой инфраструктуры Евразии. Тем не менее представление об этом регионе как о некоем далеком сердце Азии по-прежнему сохраняется. В глазах широкой общественности, как и в политических кругах, он остается малоизвестной территорией, лежащей за тридевять земель, изолированной от остального мира или угодившей в какую-то временную петлю. Это объясняет постоянные упоминания Великого шелкового пути, усиливающие ощущение того, что главное в этом регионе – его далекое и экзотическое прошлое и что, соответственно, его недавнее прошлое и настоящее гораздо менее важны или интересны.

Все это очень далеко от правды. Центральная Азия вовсе не то место, где время остановилось и вообще не играет никакой роли, – она была и остается перекрестком истории. Центральная Азия пережила все катаклизмы современной истории, все достижения современности и все ее катастрофы, все эксцессы XX и XXI столетий. Завоевания царской Россией и империей Цин ознакомили перелом в истории региона, к которому необходимо отнестись с должной серьезностью. С тех пор Центральная Азия пережила колониальное правление, множество революционных проектов национального и культурного строительства, а также попыток реформирования экономики и общества при коммунизме и в последнее время – неолиберальную глобализацию. На протяжении почти всего XX века Центральная Азия служила лабораторией современности¹ и демонстрировала советскую модель развития. Происходившие события коренным образом меняли регион и его население. Природные ресурсы региона стали использоваться в промышленности; обширные территории связали в единую сеть автомобильными и железными дорогами и аэропортами; города подверглись реконструкции; степи под плугом превратились в поля. Мировоззрение населяющих регион народов, их представления о себе, своем обществе и государстве претерпели огромные изменения. Идея нации существенно изменила представление об обществе. На протяжении современного периода истории произошли и серьезные демографические сдвиги. Численность населения выросла во много раз, в регионе наблюдался приток населения в результате миграций, депортаций или расселения, финансируемого государством. Наиболее очевидный пример такого расселения – большое количество русских и ханцев, живущих сейчас в Центральной Азии, но в современный период здесь появилось и множество других этнических групп – немцев, поляков, ашкеназов, татар, хуэй-цзу (или дунган), корейцев и чеченцев. Двадцатый век ознаменовался распространением грамотности, а также серьезными изменениями в положении женщин в обществе. Одновременно здесь значительно ухудшилась экологическая ситуация. И Советский Союз, и Китайская Народная Республика (КНР) разместили в Центральной Азии свои ядерные полигоны. Обе

¹ Или modernity (иногда на русском так и пишется – модернизи) – понятие, примерно близкое Новому и Новейшему времени в русскоязычной историографии, однако скорее концептуальное, чем хронологическое. Предполагается, что современность привнесла радикальные сдвиги в социальную, политическую, экономическую и культурную организацию общества сначала на Западе, потом и в остальном мире, – сдвиги, о природе которых до сих пор идут споры, но они точно связаны с индустриализацией, капитализмом, глобализацией, революциями и т. п. – *Здесь и далее прим. ред.*

страны проводили испытания под открытым небом, и это обернулось долгосрочными последствиями для населения. Чрезмерное использование ирригационных систем в советской части Центральной Азии и вовсе привело к экологической катастрофе. Аральское море, некогда четвертое по величине пресноводное озеро в мире, резко обмелело, и в результате климатических изменений здоровью местных жителей был нанесен огромный ущерб. К счастью или к сожалению, нынешняя Центральная Азия очень непохожа на саму себя образца середины XVIII века. Книга, которую вы держите в руках, – попытка выстроить последовательное повествование, описывающее эту трансформацию. Центральная Азия вовсе не экзотическое место, неподвластное времени. Напротив, в значительной степени этот регион – продукт истории, которую он разделяет со всеми другими обществами, пережившими колониализм, борьбу с колониальными империями, модернизацию и развитие за последние пару столетий.

Есть множество способов определить, что такое Центральная Азия. Этот термин сосуществует с такими понятиями, как «Внутренняя Азия» или «Центральная Евразия», и все они отличаются друг от друга и указывают на разные нюансы. Центральной Азии можно дать широкое определение, согласно которому это вся евразийская степь и соседние регионы и простирается она от Венгрии до Маньчжурии и на юг – до Афганистана и даже до Северного Пакистана и Индии. Именно это определение принято ЮНЕСКО – специализированным учреждением Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры. С точки зрения Советского Союза Центральная Азия представляла собой всего четыре его республики: Туркмению, Узбекистан, Таджикистан и Киргизию. Я выбрал нечто среднее и определил Центральную Азию как регион, охватывающий пять постсоветских государств (Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан, Киргизия, Казахстан), а также Синьцзян в составе КНР. Такая Центральная Азия включает в себя преимущественно мусульманские общества, которые с конца XVIII века находились под властью династий Романовых и Цин. Эти общества были взаимосвязаны и до того, как были завоеваны, однако завоевание вывело их на своеобразную траекторию – не такую, как у их соседей, избежавших поглощения империями. Конечно, в XX веке и Российская, и Китайская империи претерпели революционные преобразования, которые сильно сказались и на центральноазиатских территориях. События последних двух столетий показали, что у этих стран гораздо больше общего друг с другом, чем с остальными соседями. Непредвиденное историческое обстоятельство, заключающееся в том, что российские завоевания остановились на реке Амударье, объясняет, почему Афганистан в XX веке прошел радикально иной путь. Как раз по этой причине мы о нем говорить не будем. По аналогичным причинам в мое определение Центральной Азии не входят земли татар и башкир, географически связанные со степной зоной Центральной Азии, населенные тюркоязычными мусульманами и имеющие гораздо более длительную связь с Российским государством. И по тем же причинам я исключаю из сферы своего рассмотрения Монголию и Тибет. С точки зрения культуры они сильно отличаются от региона, которому посвящена эта книга, да и у их политической истории мало общего с его современной историей.

Даже со всеми этими оговорками та Центральная Азия, которую я исследую, неоднородна. Это пограничная зона между кочевыми и земледельческими обществами, а сами народы региона принимают такое разделение за аксиому. Долины рек Мавераннахра и оазисы Алтышара могут похвастаться одними из древнейших городов мира. На значительной части территории степи до 1930-х годов проживали кочевые народы. На протяжении всей истории они взаимодействовали с оседлыми, однако в современный период их пути разошлись, поскольку имперские державы относились к ним по-разному и проводили в них разную политику. Обе

империи также привнесли в историю этих народов что-то свое. В «российском» и «китайском» регионах Центральной Азии действовали одновременно схожие и различные режимы власти. КНР построила многие стратегии управления Синьцзяном на советских прецедентах в российской Центральной Азии, однако направила их в иное русло. Эта книга представляет собой попытку написать единую историю современной Центральной Азии. Из-за различий политических режимов в «российской» и «китайской» зонах главы этой книги будут посвящены то одной, то другой половине Центральной Азии. Однако я еще и сравниваю советскую и китайскую политику управления национальными противоречиями, экономического развития и социальных преобразований, поскольку все это сказалось на жизни в Центральной Азии.

В этой книге утверждается, что имперские завоевания в Центральной Азии ознаменовали новую эпоху в ее истории. Эти завоевания привели к разрыву с прошлым, постепенно терявшим свою важность для понимания нового исторического периода. В истории человечества империи были наиболее распространенной формой политической организации, а история Центральной Азии знает множество империй. Однако завоевания XVIII и XIX веков отличались от прочих. Центральная Азия оказалась под контролем крупных держав, центры которых располагались за пределами региона. Они окончательно включили в сферу своего контроля степь – процесс этот начался уже в XVII веке – и фундаментальным образом изменили отношения между жителями региона и его соседями. Российские и китайские власти по-разному вводили новые режимы управления в Центральной Азии. Имперское правление принесло с собой новые организационные структуры, тарифные режимы, способы взаимодействия с миром в целом и в конечном счете навязало людям новую картину мира. Прошлое никуда не делось, однако порядок вещей существенно изменился. Жители Центральной Азии стали по-другому относиться к остальному миру. В XX веке в обеих империях произошел переворот, их сменили режимы общественной мобилизации, направленные на модернизацию и развитие². Центральная Азия тоже оказалась вовлечена в эти процессы. Ее современная история может многое рассказать нам о современности, колониализме, секуляризации, коммунизме и развитии – ключевых явлениях, сформировавших мир, в котором мы живем. В этой книге мы исходим из предположения, что современная история данного региона заслуживает понимания сама по себе; книга представляет собой первую попытку достичь такого рода понимания.

За период, прошедший после имперских завоеваний, здесь возникли новые представления о человеке и обществе, а также новые формы идентификации. Обозначения наций, с которыми отождествляют себя современные жители Центральной Азии, – казахи, киргизы, таджики, туркмены, уйгуры и узбеки – возникли в XX веке, вытеснив другие формы общности. Сами эти обозначения существуют уже давно, но в эпоху современности они обзавелись новыми смыслами. К примеру, узбеки XVI века отличаются от узбеков века XXI, а термин «туркмен» подразумевает сегодня уже совсем не то же самое, что в XVIII столетии. Сдвиги в значениях этих терминов и появление новых способов самоидентификации – одна из основных тем этой книги.

² Development (англ.) – понятие, важное для социальных наук с середины XX века. Оно подразумевает возможность правительств стран, прежде всего за пределами Запада, активно влиять на социальные и экономические процессы, чтобы двигать страну вперед, в сторону бесспорного прогресса (под которым обычно имеется в виду всеобщая грамотность, победа над голодом и болезнями, развитое сельское хозяйство, индустриализация). Отсюда противопоставление «развитых» и «развивающихся» стран.

В этой книге мы рассмотрим преимущественно две имперские системы – Россию и Китай. Они создали контекст, в котором население Центральной Азии живет последние два с половиной столетия, однако их взаимоотношения никогда не были ни стабильными, ни симметричными. Обе эти системы претерпели серьезные изменения. Я рассматриваю значительные преобразования в обоих государствах (крах империи, революция, Гражданская война и перестройка) как по отдельности, так и в их взаимосвязи. В середине XVIII века Китайская империя была гораздо богаче и могущественнее. В XIX веке, когда у России появилось военное преимущество и она смогла добиться экстерриториальных прав в самом Китае, ситуация изменилась. Китай тогда находился под угрозой как внутреннего распада, так и внешнего расчленения под давлением других государств. На протяжении почти всего XX века Китай принимал помощь и поддержку от Советского Союза. Сегодня Китай – мировая держава, которая как никогда жестко контролирует свои владения в Центральной Азии, тогда как господство России над регионом осталось в прошлом. Имперская история отбрасывает длинную тень на наши исследования и представления о Центральной Азии. В материковых империях не было формального разделения между метрополией и колонией, как в морских империях, где в силу разделенности центра и завоеванных территорий отношения между ними оставались более размытыми. Материковые империи легче рассматривать как более однородные, нежели империи морские. В XX веке в рамках риторики, нацеленной на затушевывание имперских корней Советского Союза, заявлялось, что многочисленные нерусские территории вошли в состав СССР добровольно и что союз основан на искренней «дружбе народов». Однако, как мы увидим далее, владения России в Центральной Азии были вполне сопоставимы с колониальными владениями европейских морских империй. После распада Советского Союза жители Центральной Азии стали в той или иной степени подвергаться сомнениям нарратив, связанный с «дружбой народов», однако российская общественность оказалась менее восприимчива к этим изменениям. Сегодня в России царскую империю вспоминают с ностальгией и гордостью, однако ничего и слышать не желают о колониях и завоеваниях³. Таким образом, представления советской эпохи сформировали в России постсоветскую амнезию относительно сути российского империализма.

Китай – совсем другое дело. Начиная с поздней эпохи Цин все китайские правительства, независимо от идеологической направленности, утверждали, что Китай – это не империя, а неделимое национальное государство с нерушимыми границами. Цинский Китай как государство потерпел крах в 1912 году и превратился в республику, которая еще сильнее продвигала представления о единстве Китая. Сегодня КНР утверждает, что Китай в его нынешних границах – апофеоз китайского национального государства, которое на протяжении всей истории существует как единая нация. Это означает, согласно официальному заявлению Государственного совета республики, что Синьцзян «со времен династии Хань (206 г. до н. э. – 24 г. н. э.)... является неотъемлемой частью единого многонационального китайского государства»^[1]. По этой логике Синьцзян вообще не является частью Центральной Азии, а входит в так называемый Западный край (*Сиуй*) трансисторического китайского национального государства. Этот бескомпромиссный и телеологический взгляд на Китай и его отношения с Синьцзяном лежит в основе конфликта в Синьцзяне, в момент написания этой книги перешедшего в критическую стадию: миллионы уйгуров арестовывают во внесудебном порядке за недоста-

³ Здесь автор несколько сгущает краски. Дискуссии о природе власти Российской империи, особенностях вхождения центральноазиатских регионов в ее состав, а также об отличиях России от других империй того времени активно шли на протяжении всего постсоветского периода.

точную лояльность к китайцам. В этой книге мы взглянем на Китай с точки зрения жителей Центральной Азии, что позволит нам по-другому его понять. Тот Китай, к которому апеллирует китайское правительство, – представление о государстве в духе XX века, превращающее сложную историю многочисленных династий, многие из которых произошли от народов Внутренней Азии, в цельный нарратив о якобы всегда существовавшей и вечно единой стране под названием Китай. Эта телеология плохо согласуется с историческими данными, в которых предостаточно разрывов и нестыковок. Пожалуй, Китай можно было бы приравнять не к цельному государству, а к политической или культурной традиции, однако даже в этом случае непрерывность его истории вызывает сомнения. Каждая новая династия приветствовала перемены и подчеркивала, чем отличается от предыдущих, так что ни о какой преемственности речи не шло. Эта традиция была чужда жителям территорий за пределами центральных равнин материкового Китая (*нейди*). Еще важнее для наших целей то, что разные династические государства сильно различались по территориальной протяженности, и лишь немногие из них контролировали всю территорию материкового Китая, не говоря уже о всей территории современной КНР. Династия Тан (618–907 гг.) распространила свое правление на территорию нынешнего Синьцзяна. После распада империи Тан власть ни одной династии материкового Китая не распространялась на Центральную Азию – до завоеваний Цинов в 1750-х годах. Положение Синьцзяна в империи Цин отмечено в самом его названии, которое означает «новый доминион». Свои нынешние границы Китай обрел в XVIII веке после завоеваний маньчжурской династии. Именно с этих событий я начинаю свою книгу.

За последние два с половиной столетия на историю Центральной Азии влияли преобразования, происходившие в других странах (имперские завоевания, российская и китайская революции и неолиберальная революция). Эта книга о том, как жители Центральной Азии переживали эти трансформации. Я исследую их роль как внутри, так и за пределами государственных институций, которые ими управляли. Люди действуют в предложенных обстоятельствах, но действуют они все равно по-своему. И их поведение бывает разным. Разным группам жителей Центральной Азии были свойственны разные представления о том, что нужно делать и как должно быть устроено общество. За период, который освещается в моей книге, произошло несколько фундаментальных преобразований (имперские завоевания, революции, строительство социализма и его крах), и в ходе каждого из них на власть претендовали разные группы общества. В центральноазиатских обществах конкурировали разные точки зрения, и вот эту идею я хочу донести до читателя со всей возможной ясностью. В этой книге мы увидим, что жители Центральной Азии часто оказываются не согласны друг с другом в той же мере, в какой не согласны с русскими или китайцами.

Центральная Азия простирается от Каспийского моря на западе до Алтайских гор на востоке и от гор Копетдаг на юге до бескрайних степей на севере. Это обширная территория размером примерно с территорию Соединенных Штатов к западу от Миссисипи, которой свойственно большое географическое и экологическое разнообразие. Однако самая важная географическая особенность этого региона – значительная удаленность от водоемов, сообщающихся с Мировым океаном. Континентальный полюс – наиболее удаленная от открытой акватории точка на планете – находится на 46°17' северной широты, 86°40' восточной долготы, недалеко от границы между Синьцзяном и Казахстаном, в 2645 км от ближайшей береговой линии^[2]. Климат здесь континентальный, с резкими перепадами температуры, а воды, как правило, не хватает. По этой причине значительная часть региона представляет собой пастбища или пустыни, а сельское хозяйство и городская жизнь часто зависят от ирригационных возмож-

ностей. В регионе есть несколько внутренних дренажных бассейнов, то есть районов, где реки впадают во внутренние моря или озера, а не в океаны. (Единственное исключение – северные регионы Казахстана, где протекает река Иртыш, приток Оби, впадающей в Северный Ледовитый океан.) В Центральной Азии располагаются одни из самых высоких гор в мире, однако остальная территория представляет собой холмы и равнины. В горах тает снег, образуя реки, бегущие на запад к Аральскому морю. Долины этих рек пригодны для орошаемого земледелия. Как мы уже отмечали, именно там располагались одни из древнейших городов мира. Засушливый климат привел к образованию обширных пустынь, а на севере – пастбищ. В Центральной Азии есть и районы с высокой плотностью населения, и обширные участки малонаселенных или непригодных для жизни земель. Население региона, насчитывающее более 90 миллионов человек, распределено неравномерно (см. таблицу 0.1 и карту 0.2).

Таблица 0.1. Современная Центральная Азия

Государство или регион	Столица	Площадь, км ²	Население, млн человек
Казахстан	Астана	2 724 900	18 320
Киргизия	Бишкек	199 951	6304
Таджикистан	Душанбе	143 100	9101
Туркменистан	Ашхабад	491 210	5851
Узбекистан	Ташкент	448 978	32 476
Синьцзян	Урумчи	1 664 897	24 870
Всего		5 673 036	96 922

Источник: данные о численности населения пяти суверенных государств, по оценке Организации Объединенных Наций, в середине 2018 года (United Nations, *United Nations Demographic Yearbook 2018* [New York: United Nations, 2019], 693); данные по Синьцзяну на конец 2018 года (*China Statistical Yearbook 2019* [Beijing: China Statistics Press, 2019], table 2–6)

Карта 0.2. Центральная Азия: особенности физической географии и исторические географические названия

Прежде чем приступить к изложению нашей истории, предлагаем краткий экскурс в географию региона, чтобы ознакомиться с рельефом местности и основной терминологией, которой мы будем пользоваться на протяжении всей книги. Представим, что мы летим на запад от портового города, ныне известного как Туркменбаши, на восточном берегу Каспийского моря (до 1990-х годов он назывался Красноводском или Кызыл-Су). Под нами простирается огромная пустыня под названием Каракумы (или Каракум, что значит «Черные пески»). На юге, с востока на запад, тянется горный хребет Копетдаг, за которым начинается Иранское нагорье. Вот мы приближаемся к берегам Амударьи (греки называли ее Оксус, а арабы – Джейхун). Мы пролетаем над рекой и оказываемся в Трансоксании (земле за Оксусом), которую арабы называли Мавераннахр («Заречье»). Этот термин использовался во всех исламских языках для обозначения региона между Амударьей и Сырдарьей. Значительная часть Мавераннахра представляет собой пустыню под названием Кызылкум (или Кизил-Кум – «Красные пески»), а земли по берегам двух больших рек и впадающих в них рек поменьше (Зеравшана, или «Золотоносной», Вахша, Пянджа и Сурхандарьи) используются для земледелия и строительства городов. Самарканд и Бухара находятся прямо в центре Мавераннахра. Ниже по течению, где Амударья впадает в Аральское море, находится Хорезм, еще один древний город, много веков служивший крупным торговым и политическим центром. Если подняться вверх по реке, мы окажемся над плодородной Ферганской долиной, в самой густонаселенной части Центральной Азии на сегодняшний день.

Мы летим дальше на восток – и в какой-то момент обнаруживаем самую большую горную систему в мире. На юго-востоке лежит Памирский горный узел, так называемая «крыша мира», где сходятся несколько горных цепей. С юго-запада тянется цепь вулканов, где находится кратер Дарваза, на восток уходят горы Каракорум и Гималаи, а хребет Тянь-Шань (по-китайски «Небесные горы») простирается на север. Это труднодоступная местность, отделяющая Центральную Азию от Южной. Кроме того, Тянь-Шань делит Центральную Азию в продольном направлении на западную и восточную половины. Теперь давайте посмотрим, что видно

на западе. К северо-востоку от Памира лежит Ферганская долина, с трех сторон окруженная горами. Западные предгорья Тянь-Шаня – изобильная земля, орошаемая притоками Сырдарьи, которые и дали этому району его название: Жети-Суу на киргизском, Жетісу на казахском, что на русский переводится как Семиречье. К северу от Сырдарьи мы обнаружим собственно степь, обширную, в основном равнинную местность с пастбищами и пустынями, которая тянется на север до самой сибирской тайги. В средневековых исламских источниках она упоминается под именем Дешт-и-Кипчак (Кипчакская степь), в честь тюркских кочевников, обитавших здесь в то время. Говоря о современном периоде истории, имеет смысл называть ее Казахской степью, так как с начала этого периода ее населяют казахи. Большая часть степи представляет собой плато, центральная часть которого известна под названием Бетпак-Дала (Северная Голодная степь) – указание на то, что людям, которые пытались здесь селиться, приходилось нелегко. К востоку от Семиречья мы обнаружим Джунгарскую впадину, названную в честь кочевого народа, населявшего ее до XVIII века. (Джунгары играют важную роль в начале той части истории, которую охватывает эта книга.) Они относились к монголам и так и не приняли ислам. В степных пастбищах Джунгарии располагается континентальный полюс недоступности. Его южную границу образует хребет Тянь-Шань, к югу от которого находится еще один крупный водосборный бассейн – река Тарим. Тарим берет начало в горах Каракорума и раньше впадал в озеро Лобнор. Большая часть его бассейна представляет собой еще одну пустыню – Такла-Макан. Она усеяна плодородными оазисами, где в древности возникали города. Бассейн Тарима еще называют Алтышаром (Шестиградием, с отсылкой к городам-оазисам), а также Восточным Туркестаном. На юге от Тибетского плато его отделяют горы Куньлунь. К востоку лежит Турфанская впадина, разлом, в котором поместились оазисы Турфан и Хами (Кумул). Это одна из самых глубоких впадин в мире, расположенная на 155 м ниже уровня моря. Здесь очень жаркий и засушливый климат, однако благодаря подземным водам здесь возможно орошаемое земледелие. Мы оказались на другом конце Центральной Азии, поскольку на востоке бассейн Турфана соединяется с коридором Хэси, или Ганьсу, цепочкой оазисов вдоль узкой тропы между горами Куньлунь на юге и пустыней Гоби на севере, спускающейся к долине реки Хуанхэ (Желтой реки) в Китай. В центральноазиатских источниках земли за пределами региона называются по-разному: Хитай – область к северу от реки Хуанхэ, некогда земли киданей; Чин – регион, расположенный к югу от реки; Мачин – территория южнее реки Янцзы. Жители Турфанского бассейна на восточном краю Центральной Азии долгое время поддерживали торговые отношения с Китаем. Для прочей части мусульманской Центральной Азии Китай оставался далеким и культурно чуждым регионом.

Как отмечалось выше, горы Тянь-Шаня делят Центральную Азию надвое, хотя это разделение никогда не мешало путешествиям и другим видам взаимодействия, так что оба региона связаны друг с другом – и культурно, и экономически. Однако порой они выступали на разных геополитических аренах. Центральную Азию часто называли Туркестаном, «землей тюрков», а две ее половины – Западным и Восточным Туркестаном. В XIX веке, после имперских завоеваний, о них стали упоминать как о Русском и Китайском Туркестане. Конечно, это всего лишь географические термины, а не названия политических образований, однако в них отражается общность двух регионов. Помимо разделения на восток и запад, а также на китайские и российские территории, нам необходимо различать северные степные земли и южные районы с оазисами и орошаемым земледелием. Разделение это очень приблизительное, но тем не менее полезно иметь в виду, что большая часть оседлых земледельческих обществ Центральной Азии существовала в Хорезме, Мавераннахре, Фергане и оазисах Алтышара, а остальную часть региона – особенно степную зону к северу от Мавераннахра – до 1930-х годов в основном населяли кочевники.

Такой краткий экскурс ставит перед нами еще один вопрос, с которым сталкиваются все интересующиеся Центральной Азией. Топонимы Центральной Азии неоднократно меня-

лись, и часто у них больше одного варианта, а также несколько способов написания. То же относится и к именам собственным. Написание зависит от того, транслитерируем мы название или имя с русского, китайского или одного из языков Центральной Азии. Транслитерация имен на русский язык приводит к неточному произношению, потому что придыхательный [h] (которого в русском нет) превращается в русский [x]; звук, в латинском алфавите передающийся одной буквой *j*, превращается в сложнопроизносимое скопление согласных [дж], а гласные всячески искажаются. Китайские варианты центральноазиатских имен и названий, основанные на слоговой транскрипции, зачастую совершенно неузнаваемы: Ахмад превращается в Аймаити, а Ибрагим – в Йибулайина. В этой книге названия мест и имена людей приведены в максимальном соответствии с языками Центральной Азии и с центральноазиатскими конвенциями (например, Худжанд, Урумчи), а также согласно устоявшимся вариантам написания (например, Кашгар, Фергана). Иногда я привожу два варианта названия того или иного места, если оба по-прежнему в ходу. В именах людей за период до 1920-х годов, когда в разных центральноазиатских языках установились особые нормы орфографии, используется более общий принцип транслитерации. Имена периода после 1920-х годов я транслитерирую в соответствии с языком, с которым в наибольшей степени ассоциируется тот или иной человек, признавая при этом, что полное соответствие невозможно и не нужно.

И отдельное замечание о термине «Туркестан» и его вариантах. Туркестан (в буквальном переводе «земля тюрков») в Центральной Азии и за ее пределами использовался как общее название территории к северу от Амударьи, которую в основном населяли тюркоязычные народы. Этот термин был уже достаточно распространен, когда русские стали называть им свою новую провинцию, основанную в 1865 году. С 1865 по 1924 год Туркестаном называли конкретное административное образование, однако более древний, более общий смысл этого названия никуда не делся. В XIX и начале XX века как местные жители, так и европейцы делили Центральную Азию на Западный, или Русский, и Восточный, или Китайский, Туркестан, граница между которыми условно проходила вдоль Тянь-Шаня. В начале XX века тюркоязычные мусульмане империи Цин стали называть свой регион Восточным Туркестаном. И этот факт не нуждался бы в комментариях, если бы КНР не настаивала на том, что Восточный Туркестан – это термин, который изобрели иностранные империалисты, чтобы разрушить Китай, а сегодня используют так называемые сепаратисты и экстремисты. Единственное название, одобренное китайским правительством, – Синьцзян. Несмотря на то что в этом термине отражается история имперского завоевания, его нельзя переводить на уйгурский язык. Уйгурское название региона – Синдзян – лишь транслитерация китайского топонима. Сегодня большинство уйгуров пользуются этим названием исключительно по принуждению. В этой книге я упоминаю топоним Синьцзян только для обозначения административного образования с таким названием. Когда я говорю о регионе в других контекстах, я называю его Восточным Туркестаном или Алтышаром и обычно следую терминам, приведенным в источниках.

Глава 1

Многообразие традиций Центральной Азии

Современный облик Центральной Азии сформировался в ходе долгой истории взаимодействия степных народов и окружающих их земледельческих обществ Евразии (Китая, Индии, Ирана и Европы). По экологическим причинам в степи – обширной зоне пастбищ и пустынь, простирающейся от Венгрии до Кореи, – не может быть плотного населения. Еще на заре человеческого общества стало понятно, что лучшая стратегия выживания в степи – заниматься скотоводством и кочевать с места на место, и именно животные (верблюды, овцы, крупный рогатый скот и лошади) обеспечивали саму возможность существования здесь людей. Группы кочевников предъявляли права на отдельные участки пастбищ и перемещались по определенным маршрутам между летними и зимними выпасами. На протяжении столетий степные кочевники взаимодействовали с соседними оседлыми обществами посредством набегов, торговли и завоеваний. Благодаря приручению лошади кочевники научились быстро передвигаться и получили преимущество в бою на полтора тысячелетия. За этот период они построили в степи несколько империй, которые диктовали оседлым соседям свои условия, а порой и вовсе их завоевывали. Кочевники постоянно присутствовали на границах земледельческих цивилизаций на окраинах Евразии, и общества эти, по сути, были не в состоянии контролировать обширные степи. Империи считали кочевников варварами и проблемой, требовавшей решения. Один из примеров такого отношения – Великая Китайская стена, построенная для того, чтобы варвары оставались снаружи, на севере (а китайские крестьяне – внутри). Кроме того, стена служит метафорой взаимоотношений между двумя мирами, поскольку ей так и не удалось их разделить. Они оба все равно проникали друг в друга, сплетаясь в постоянном симбиозе. Великая стена располагалась в пограничной зоне, служившей постоянной ареной для взаимодействия. Многие китайские государства основали «варвары» с севера и северо-запада, хоть об их происхождении в исторических повествованиях часто умалчивали. Мы подхватим нить истории с середины XVIII века, когда геополитические отношения между народами степи и их соседями начали меняться, а империи оседлых народов стали теснить кочевников, а затем и отвоевывать степь.

На протяжении полутора тысяч лет степные народы процветали. Кочевники, начиная с хунну, создали ряд империй, которые выбивали права на торговлю или дань у своих соседей, а иногда и завоевывали их. Такого рода империи объединяет несколько общих черт. Их все построили великие лидеры, утверждавшие, что наделены божественной властью и потому способны сплотить несколько разных племен (политических единиц, якобы скрепленных общим происхождением) в жизнеспособный союз. Первой крупной империей степных народов стала держава племени хунну, название которого мы знаем лишь по китайским источникам. Эта империя просуществовала более 200 лет (III в. до н. э. – I в. н. э.), в ней были крупные городские поселения и разветвленная система управления. На западе степного региона примерно в одно и то же время возникли империи скифов и сарматов. В VI и VII веках на территории нынешней Монголии группа кочевников, которых называли тюрками, основала еще одну империю. Ее центр располагался в долине реки Орхон, где сохранились рунические надписи – древнейшие письменные памятники всей тюркской группы языков. В VIII веке еще один союз

тюркских племен образовал Уйгурский каганат. (В XX веке уйгурами станут называть тюркомусульманское население Синьцзяна.)

В долинах рек и оазисах, где было достаточно воды, зарождались земледельческие общины и государства оседлых народов. Частью этого земледельческого мира был Мавераннахр и оазисы Таримского бассейна. Так называемый Бактрийско-Маргианский археологический комплекс относится к 2200–1700 годам до нашей эры, эпохе, когда процветали цивилизации Египта, Анатолии и долины Инда. В 539–330 годах до нашей эры держава Ахеменидов, расположенная на Иранском нагорье, расширилась до Мавераннахра (в те времена этот регион еще назывался Согдиана или Согд). Александр Македонский разгромил Ахеменидов, и Согдиана стала восточной окраиной его империи. Считается, что он основал город Худжанд, который назвал Александрия Эсхата («Александрия Дальняя»). В III веке до нашей эры в Согдиане располагалось независимое Греко-Бактрийское царство, которое затем пало под натиском кочевых групп с востока, через некоторое время основавших Кушанскую империю, что простиралась на юг до самой Индии. В Согдиане родился Заратустра, и у зороастризма в Центральной Азии долгая история. Кушаны приняли буддизм, и именно через них он попал в Китай. К I веку нашей эры длинные торговые пути связывали эти империи с Китаем, Индией и Ираном.

Эти торговые отношения легли в основу широко распространенных сегодня представлений о Великом шелковом пути. В 1877 году этот термин ввел немецкий географ Фердинанд фон Рихтгофен, назвавший так маршруты, по которым китайский шелк экспортировали из империи Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.) в Центральную Азию. Однако с тех пор термин приобрел более широкое толкование и стал обозначать все торговые отношения, которые будто бы связывали Китай с Западом на протяжении нескольких столетий, пока в эпоху Великих географических открытий их не сменила морская торговля. Считается, что такая торговля служила основой экономики Центральной Азии и залогом жизнеспособности ее цивилизации. В этом утверждении немало спорных моментов. Самая прибыльная торговля велась в направлении с севера на юг, а не с востока на запад, да и этот Запад (то есть Европа) в то время не был значимым торговым партнером. С одного конца пути на другой перемещалось довольно мало товаров и еще меньше людей. Что еще более важно, концепция Великого шелкового пути превращает Центральную Азию из самостоятельного явления в придорожную обочину. Эта концепция представляет гораздо большую ценность как метафора межкультурных связей, чем как описание конкретного исторического явления^[3]. В этой книге мы будем прибегать к ней лишь изредка.

Степные кочевники говорили на множестве языков, относящихся к алтайской языковой семье, куда входят монгольский, тунгусский и множество тюркских наречий. Большая часть оседлого населения говорила на различных индоиранских языках – тех же, которые распространены у народов нынешних Афганистана и Ирана. Мавераннахр всегда был пограничной зоной, где две языковые семьи взаимодействовали наиболее тесно. Здесь проходила граница между Ираном и Тураном, землей кочевников. Иран в этом понимании обширнее современного национального государства с таким названием. Действие *Шахнаме* («Книги царей»), эпической поэмы Абулькасима Фирдоуси (ок. 940–1020), посвященной персидским царям доисламского периода, по большей части разворачивается не в современном Иране, а в Мавераннахре. Центральная Азия неоднородна и по своему религиозному наследию. Кочевники были шаманистами, то есть верили в способность определенных людей перемещаться между материальным и духовным мирами для того, чтобы заручиться поддержкой разных духов в военном деле, либо для того, чтобы исцелить кого-то или обеспечить благополучие своего народа. Среди оседлого населения преобладали зороастризм и буддизм. В VIII веке уйгуры приняли манихейство, а в первом тысячелетии нашей эры в городах-оазисах региона процветало несторианство. Религиозные традиции Центральной Азии были поистине многообразны.

В начале VIII века Мавераннахр завоевали арабские армии Омейядского халифата. Ислам возник в городах-оазисах Аравии в начале VII века, и его приверженцы, тоже кочевники-скотоводы, осуществили сразу несколько поразительных завоеваний, в ходе которых в Иране пала империя Сасанидов, византийцы отступили до Анатолии и образовалось арабское государство, к началу VIII века простиравшееся от Испании до Мавераннахра. В 671 году арабы завоевали Мерв, в 709 году – Бухару и присоединили Мавераннахр к своей империи. Арабские завоевания оказались сопоставимы с величайшими на тот момент китайскими экспансиями. Династия Тан контролировала большую часть территории нынешнего Синьцзяна. В 751 году в битве при Таласе (на территории нынешней Киргизии) две армии столкнулись лицом к лицу, силы империи Тан были разгромлены, и экспансия династии на запад захлебнулась. В 750 году династию Омейядов свергли Аббасиды, которых в основном поддерживали повстанцы в Иране и Мавераннахре.

Однако обращение в ислам заняло много времени, и лишь через несколько поколений большая часть оседлого населения, говорящего на персидском языке, приняла новую религию. Тем не менее к IX веку Мавераннахр уже был полностью мусульманским и стал неотъемлемой частью исламского мира. За следующие два столетия в нем появился ряд светил, сыгравших важнейшую роль в исламской истории. Высказывания (*хадисы*) пророка Мухаммеда вскоре обрели религиозный авторитет, уступающий лишь авторитету Корана, и их сбор и классификация стали главной заботой ученых. Мусульмане-сунниты считают каноническими шесть сборников этих высказываний. Двое из шести составителей, Абу Исмаиль аль-Бухари (810–870) и Абу Иса Мухаммад ат-Тирмизи (825–892), родились в Мавераннахре, как и влиятельные факихи Абу Мансур Мухаммад аль-Матуриди (ум. ок. 944) и Бурхануддин Абуль-Хасан аль-Маргинани (ум. в 1197). Математик Мухаммад ибн Муса аль-Хорезми (780–850), ставший отцом алгебры (в честь его, с искажением его имени на латыни, назван «алгоритм»), астроном Абу-ль-Аббас Ахмад аль-Фергани (ум. в 870), великий ученый Абу Наср Мухаммед аль-Фараби (ум. ок. 950), которого еще называли «Вторым учителем» (после Аристотеля), философ-рационалист Абу Али ибн Сина (на Западе известный как Авиценна, 980–1037) и географ Абу Рейхан Аль-Бируни (973–1050) – фигуры мирового значения в истории исламской цивилизации в ее так называемый классический период, и все они родились в Центральной Азии. Они стали частью более широких сообществ, объединенных путешествиями и образованием, которые сделали города Мавераннахра центром мусульманского мира. Именно в эту эпоху Бухара и Самарканд завоевали свою репутацию в большом мусульманском мире. Историк XIII века воспринимал Бухару как «купол ислама» на мусульманском Востоке; город виделся «подобным Багдаду» (столице Аббасидского халифата), «его улицы озарял яркий свет выдающихся врачей и факихов, а его окрестности украшали редчайшие и высочайшие достижения»^[4].

Из-за огромной территории халифат всегда был в значительной степени децентрализован, а региональные правители пользовались большой свободой действий. К середине IX века они начали действовать так, как им заблагорассудится, демонстрируя лишь номинальную верность халифату. Как раз в такой среде некий Исмаил Самани, один из местных правителей в Мавераннахре, основал свою собственную династию со столицей в Бухаре. Назначил Исмаила на должность эмира Аббасидский халифат, однако он был во всех отношениях независимым правителем. Династия Саманидов, которую он основал, возглавила движение по возрождению персидского языка как языка ислама. Все великие ученые, которых мы только что упомянули, писали на арабском (и потому их часто ошибочно принимают за арабов), но ни они, ни их соотечественники никогда не пользовались арабским языком в повседневном общении. После

арабских завоеваний персидский, язык Мавераннахра, деградировал до уровня народного разговорного языка. Саманиды обратили эти изменения вспять и сделали персидский языком правительства и культуры. Их двор покровительствовал созданию нового литературного языка, который мы сейчас называем новоперсидским или фарси (хотя ему уже более тысячи лет). Персидский алфавит создан на основе арабского письма, в языке множество арабских заимствований, а по своему образному строю это язык исламский. Первым великим поэтом фарси стал Рудаки (858–941), однако основой для становления персидского как языка высокой исламской культуры послужила книга *Шахнаме*, написанная при дворе Саманидов.

В соседней степи ислам распространялся медленнее. Первые исторические сообщения о массовом обращении тюрок относятся к 960 году, когда, как говорят, 200 000 шатров (домашних хозяйств) приняли ислам. К концу X века тюрки-мусульмане были весьма многочисленны и начали захватывать политическую власть. Тюркские кочевники из династий Газневидов и Караханидов завоевали Мавераннахр и стали продвигаться по всем направлениям, в том числе на юг в Индию; они соперничали с другими мусульманскими династиями в Восточном Иране и на территории нынешнего Афганистана. Другие тюркские группы примыкали к вооруженным силам династий на Ближнем Востоке и стали неотъемлемой частью политического ландшафта в этом регионе. В последующие столетия тюрки основали ряд династий в мусульманском мире. Сельджуки сражались с византийцами и основывали тюркские поселения в Анатолии, где два столетия спустя династия Османов построила государство, ставшее впоследствии могущественной империей. Однако исламизация степи проходила медленно и в XVIII веке еще продолжалась. Мусульманские общества взаимодействовали с немусульманами, жившими вдоль протяженного религиозного фронта, простиравшегося от Тибета до Джунгарии и даже еще дальше. Восточные оазисы Турфан и Кумул в основном были буддийскими еще в 1420 году – когда мусульманский посланник при дворе династии Мин отметил в обоих городах «просторные идолопоклоннические храмы необыкновенной красоты»^[5].

Независимость мусульман в Мавераннахре и Алтышаре была утрачена в начале XII века, когда Ферганскую долину и большую часть Алтышара завоевала новая династия – Караки-таи. Они говорили на тунгусо-маньчжурских языках и были кочевниками, которым удалось спастись в 1127 году, в момент краха империи Ляо в Маньчжурии и северо-восточной части Китая. Они обложили данью города и контролировали степь на протяжении всего следующего столетия. Единственную угрозу для них представляло новое государство в Хорезме в устье Амударьи. Однако по-настоящему преобразило Центральную Азию вторжение Монгольской империи в начале XIII века. На заре века некий Тэмуджин сумел объединить все монгольские племена и начал серию завоеваний, которым не было равных в истории. В 1206 году он принял императорский титул Чингисхана (*кагана*) и возглавил ряд феноменально успешных военных походов, в результате которых большая часть Евразии оказалась под властью монголов. До своей смерти в 1227 году он успел покорить Китай и Центральную Азию. Его сыновья продолжили завоевания, и в зените своего могущества Монгольская империя охватывала всю степь, Мавераннахр, Кавказ, всю территорию Ирана и Восточную Европу. В XIII веке и Китай, и русские княжества были частью единой империи.

Монгольская империя – апофеоз кочевнического государства. Как и все их предшественники, для достижения успеха они задействовали идеи имперского величия, божественного происхождения власти и эффективную систему военной организации. В отличие от более ранних кочевых империй монголы завоевали своих оседлых соседей и управляли ими, привлекая бюрократов из Китая и Ирана к созданию систем управления и налогообложения. Военные

кампании были крайне безжалостными, и жестокость монголов вошла в поговорки по всей Евразии, однако помимо этого Монгольская империя создавала и новые связи. Историки говорят о *pace Mongolica*, превратившем большую часть Евразии в единую экономическую зону, что беспрецедентным образом упрощало торговые отношения на материке. Завоевания изменили и политику региона. По всей Евразии они разрушали старые элиты и меняли представления о социальной солидарности и принадлежности к тем или иным статусным группам. Семья Чингизидов стала главной императорской династией Евразии, и принцип, согласно которому только потомки Чингисхана по мужской линии имели право на власть, надолго закрепился во всех монгольских владениях.

В эпоху правления Чингизидов власть принадлежала всей семье Чингизидов в целом. Права первородства еще не было, так что все потомки Чингисхана по мужской линии имели право управлять империей и носить титул хана. Оказалось, однако, что власть, передаваемая таким образом, содержит в себе механизм нестабильности. В своем последнем завещании Чингисхан разделил царство на четыре части (*улуса*) и завещал их своим четверым сыновьям от старшей жены. Родина предков монголов и Китай достались младшему сыну Толую, а внук Чингисхана Батый (чей отец, Джучи, умер раньше Чингисхана) получил западную степь и путь в Европу. Своего третьего сына, Угэдэя, Чингисхан назначил своим наследником и великим ханом, главой династии и символом единства империи. Империя тем временем все расширялась. Войска Батыя покорили славянские княжества Киевской Руси и дошли до самой Венгрии, после чего так и вернулись непобежденными. Его улус, известный под названием Золотая Орда, правил русскими землями и степями к северу от Черного моря. В 1258 году внук Чингисхана Хулагу вторгся на Ближний Восток и разрушил Аббасидский халифат, в результате чего весь Иран и Ирак оказались под властью монголов. Еще один внук великого хана, Хубилай, установил монгольскую власть в Южном Китае, окончательно разгромив династию Сун в 1279 году. В 1260 году, в разгар своих завоеваний, Хубилай стал великим ханом. Он перенес столицу в Пекин и провозгласил династию в китайском стиле – Юань. Затем развернулась ожесточенная борьба за титул великого хана, но после смерти Хубилая в 1294 году титул утратил силу. Улусы проводили каждый свою политику и даже враждовали друг с другом. Монгольское правление на протяжении XIII века преобразило Центральную Азию. Несмотря на то что, по сравнению с другими завоеванными регионами, этот еще легко отделался, его экономике и культурным традициям был нанесен огромный урон. Прежние династии ушли в небытие, сильно пострадала и исламская инфраструктура. Действия Чингисхана в Бухаре в 1220 году стали своего рода символом начала монгольского завоевания. Разграбив город, он въехал на коне в главную мечеть и, взобравшись на минбар, заявил собравшейся толпе: «В селах нет корма для скота, накормите наших лошадей». Ата Малик Джувейни, мусульманский историк при монгольском дворе и наш лучший источник знаний об этих событиях, рассказывает, что монголы «открыли все лавки в городе и стали выносить зерно. Сундуки же, где хранились Кораны, они вынесли во двор мечети, вышвырнули книги и устроили в этих сундуках кормушки для лошадей. После чего воинам раздали кубки с вином и привели городских певцов, чтобы те для них пели и танцевали, а монголы перекрикивали их, распевая свои собственные песни. В это время имамы, шейхи, сеиды, врачи и ученые ухаживали за их лошадьми в конюшне под присмотром конюхов и выполняли их приказы»^[6]. Монголы оказались в значительной степени равнодушны к религиям завоеванных народов и не устраивали особых гонений на мусульман. Однако религия была смещена с позиций власти, а исламское право (*шариат*) заменила Великая Яса (уложение законов Чингисхана), которая легла в основу юридических и политических представлений о порядке вещей.

Буквально в течение столетия Монгольская империя распалась на части. В Центральной Азии сложился новый порядок, сохранивший многие черты правления Чингизидов и при этом полностью адаптировавшийся к мусульманскому жизненному укладу. Чингисхан отдал сво-

ему второму сыну, Чагатаю, земли Алтышара, Джунгарии, Мавераннахра и Хорезма – по сути, ту Центральную Азию, о которой мы говорим в этой книге, – в качестве улуса. Чагатаиды правили в Центральной Азии еще долго, хотя стабильности в этом улусе не было, поскольку братья Чагатая и их потомки жаждали захватить его территорию и постоянно воевали за нее. Около 1330 года чагатаид Тармаширин (1331–1334 гг.) принял ислам. Он сделал это не первым в своем роду, зато, в отличие от предшественников, он попытался сделать ислам основной религией в государстве. Это спровоцировало восстание, которое свергло Тармаширина и вызвало раскол в ханстве, поскольку другие Чагатаиды, верные монгольским традициям, поддержали нового хана на востоке (в Алтышаре и бассейне Турфана). Династическая линия Тармаширина продолжилась в Мавераннахре на западе, где население было преимущественно мусульманским. Таким образом, к 1340-м годам стало очевидным разделение между Западным и Восточным Туркестаном. Восток в мусульманских источниках стал упоминаться как Моголистан («Земля монголов», то есть немусульманских кочевников). Однако такое религиозное разделение продлилось недолго, поскольку восточный хан Тоглук-Тимур (1347–1363 гг.) вместе с другими князьями принял ислам, когда взойшел на трон. К середине XIV века Чагатайское ханство разделилось надвое, но и на востоке, и на западе его правители приняли ислам и тюркскую речь большинства своих подданных. Кроме того, с точки зрения военной силы они тоже зависели от тюркских подданных. Править могли только мужчины, имевшие основания считать себя прямыми потомками Чингисхана, однако и таких всегда было немало, из-за чего они постоянно враждовали между собой. Благодаря этому лидеры племен, не принадлежащих к Чингизидам, в основном тюркские мусульмане, получили возможность назначать правителей. Чингизидские князья часто становились марионетками амбициозных тюркских военачальников, которых обычно называли эмирами. Самый знаменитый эмир из всех – Тимур, или Тамерлан (1336–1405), создавший свою собственную империю со столицей в Самарканде.

Тамерлан был тюркским мусульманином из племени барласов. К 1370 году он разгромил своих тюркских соперников и низвел князей Чагатаидов до статуса номинальных правителей. Однако он никогда не претендовал на звание хана или законного правителя, а продолжал править от имени потомков Чингисхана. В 1370 году он женился на княжне из Чингизидов и принял имя Гурган (иранизированный вариант монгольского күрүгэн или хүргэн – зять), а в своей карьере подражал Чингизидам, если не превосходил их. Он воевал с разными государствами под властью потомков Чингисхана и возглавлял походы в земли Золотой Орды (на территории современных России и Украины), Сирии и Ирана, а также Моголистана, в который он вторгся четыре раза. Другие его походы открывали новые горизонты. Он вторгся в Анатолию (где одолел султана Баязида и едва не уничтожил молодую Османскую империю) и Индию (где жестоко разграбил Дели в 1398 году). Умер он в 1405 году в разгар кампании против минского Китая. История его завоеваний сравнится – как по своим масштабам, так и по жестокости – разве что с историей Чингисхана, и мощь Тамерлана на пике его правления поставила его в один ряд с Чингисханом. Однако эта мощь выражалась на другом политическом языке. Для многих современников, а особенно преемников, Тамерлан был Сахибкираном (что значит «правитель сияющего путеводного света»), то есть относился к астрологической категории, вероятнее всего персидского происхождения, полностью исламизированной к XIV веку. Предполагалось, что рождение Тамерлана совпало с благоприятным соединением Марса и Юпитера. Таким образом, сам Бог назначил его правителем-мессией, а его правление было предсказано небесными событиями. Кроме того, метафорически Тамерлан олицетворял как военную доблесть кочевников, так и этические и политические идеалы оседлого мира, традиции монгольских воинов и исламской цивилизации. Тамерлан воплощал собой не только эпоху Чингизидов, но и обновленную, преобразованную исламскую политическую традицию. Он был мусульманским властителем, который украшал свою столицу великолепными мечетями и покровительствовал исламскому образованию. Награбленные в походах сокровища пошли на создание поражаю-

щей воображение имперской столицы, а сам он жил на манер кочевника в роскошных шатрах за городом. Сама личность Тамерлана оказалась своего рода переводом монгольского наследия на язык ислама. Ровно поэтому ему так симпатизировали строители государств XX века: они видели, как в его политическом наследии переплетаются традиции степи и пашни.

Империя Тамерлана не просуществовала дольше его самого, однако потомкам удалось удержать значительную часть территории по обе стороны Амударьи. Кроме того, они отошли от наследия Чингизидов и сделали акцент на своей принадлежности к исламу. В XV веке при дворе Тимуридов – сначала в Самарканде, а затем в Герате (на территории современного Афганистана) – пышным цветом расцвела высокая культура, исламская в своих формах и при этом уникальная, неповторимо центральноазиатская. Внук Тамерлана Улугбек открыл в Самарканде медресе, больницы и обсерваторию. Он был выдающимся астрономом, установил точный угол наклона эллиптической плоскости Земли и составил самый полный каталог звезд со времен Птолемея. Двор Тимуридов покровительствовал поэту Джамии (ум. в 1492), художнику Бехзаду (ум. в 1535), поэту и государственному деятелю Алишеру Навои (ум. в 1501). Самое примечательное явление при правлении Тимуридов состоит в том, что язык тюрков стал языком высокой культуры. В тюркских языках уже с XI века использовалась арабская письменность. Караханидский государственный деятель Юсуф Баласагуни (ум. в 1077) написал *Кутадгу билиг* («Благодатное знание») в жанре зеркала для князей⁴, а Махмуд аль-Кашгари (ум. в 1102) составил *Диван лугат ат-турк* («Собрание тюркских языков»)⁵ на арабском языке в Багдаде. Именно при правлении Тимуридов тюркский язык стал вполне уважаемым литературным языком, а Навои – его первым признанным мастером. Этот литературный стандарт назывался чагатайским. Примерно в то же время при османском дворе в Стамбуле сформировался еще один литературный вариант тюркского языка. Чагатайский и османский языки развивались параллельно, как язык востока и язык запада. Выразительность и пышность в обоих принадлежит исламской культуре, и в них много заимствований из персидского и арабского языков. Они в большей степени служили инструментом, посредством которого выражала себя высокая культура, нежели способом повседневного общения, с которым у них было мало общего. Персидский язык остался языком управления, поэзии и аристократического общения в Мавераннахре, но теперь наравне с ним использовался и тюркский. Высокая культура (поэзия, историография, живопись и изысканные придворные манеры), сформировавшаяся при дворе Тимуридов в XV веке, надолго оставит свой след в Центральной Азии и за ее пределами.

На заре XVI века династию Тимуридов свергли вновь собравшиеся с силами Чингизиды, перекочевавшие из улуса Джучи, или Золотой Орды, и попутно отвоевавшие прежние территории. Ханство Чингизидов следовало по тому же пути, что и государство Чагатаидов. В 1327 году Узбек-хан принял ислам, и ханство стали называть улусом Узбека. По мере того как междоусобные войны претендентов на трон разрушали любое подобие политической сплоченности, ханство начало слабеть и дробиться. Русские княжества обретали все большую независимость, а в Крыму и на Волге возникли мусульманские и тюркоязычные государства-преемники. Восточная часть улуса Узбека оставалась преимущественно кочевнической. В XV веке Абулхайр-хан (1428–1468 гг.), потомок Шибана, пятого сына Джучи, показал себя могуще-

⁴ Жанр поучительной литературы для государей, в которой, как правило, давался пример благоразумного правителя и образец справедливого правления, описывались обязанности властителей.

⁵ Словарь-справочник различных тюркских языков того времени, содержащий также исторические и географические сведения.

ственным правителем, однако после его смерти государство распалось, а последователи рассеялись. В конце XV века его внук Мухаммед Шейбани-хан привел от 200 000 до 400 000 своих подданных на юг в Мавераннахр, где они свергли Тимуридов и основали свое узбекское государство. Одним из изгнанных тимуридских князей был Захир-ад-дин Мухаммад Бабур (1483–1530). Он сбежал с горсткой своих приверженцев в Кабул. Славу и богатство он обрел в Индии, где основал империю Великих Моголов, просуществовавшую до 1857 года. Моголы называли себя Тимуридами и на протяжении многих веков чтили тимуридское и центральноазиатское наследие.

Массовые миграции кочевников, которые часто превращались во вторжения и завоевания, с самой древности были отличительной чертой евразийской истории. Узбекское вторжение-миграция было одним из последних таких переселений. Завоевания Шейбани-хана позволили восстановить господство Чингизидов над Мавераннахром, но не отменили культурные преобразования эпохи Тимуридов. Как и Тимуриды, Шейбаниды приняли ислам и покровительствовали мусульманской элите. Государство Шейбанидов представляло собой сильно децентрализованную племенную конфедерацию, однако первенство в Мавераннахре принадлежало Бухаре – столице, центру торговли и образования. Кульминацией истории этой династии стало правление Абдуллы-хана II (1583–1598 гг.), на протяжении которого в Бухаре было построено несколько медресе и караван-сараев. Власть Шейбанидов повлияла и на демографию Мавераннахра: здесь появилось многочисленное тюркское население, значительная часть которого осела и занялась земледелием. Персидский язык остался языком образования и управления, однако в долгосрочной перспективе прирост тюркского населения изменит и языковую ситуацию. В 1598 году Шейбанидов свергла еще одна династия Чингизидов из улуса Джучи – Аштарханиды. Это событие имеет прямое отношение к окончательному краху Золотой Орды. Московское княжество стало самым могущественным среди русских княжеств, завоеванных монголами в 1240-х годах. По мере ослабления Золотой Орды Московское княжество стало меняться ролями со своими бывшими правителями. Уже в 1397 году некоторые татарские князья стали вассалами Московии. На заре XVI века Московское княжество диктовало условия волжскому Казанскому ханству. В 1547 году великий князь московский Иван IV (Грозный) принял титул царя, в который были намеренно заложены имперские коннотации, это был еще и явный признак отказа от какой бы то ни было связи со степной политической традицией. В 1552 году он осадой взял Казань и присоединил к Руси. Это была русская реконкиста, и историки часто рассматривают данное событие как основание того, что в будущем станет Российской империей. Четыре года спустя Иван Грозный повел свои войска вниз по Волге к Астрахани, столице еще одного государства-преемника Золотой Орды, и захватил ее. Так Московское княжество закрепилось на Каспийском море. Некоторые члены правящей семьи Астраханского ханства бежали в Мавераннахр, где (спустя поколение, в момент династического кризиса) им удалось свергнуть Шейбанидов. В Мавераннахре продолжалось правление Чингизидов при новой династии.

Не всех устраивало переселение Шейбани-хана на юг. Другие подданные Абулхайра отделились и остались на севере под предводительством чингизидских ханов Джанибека и Гирея. Эти группы стали называть казахами. Они продолжали вести кочевой образ жизни и кочевали по обширным землям к северу от Сырдарьи, от реки Урала на западе до озера Балхаш на востоке, где соседствовали с джунгарами – западными монголами, принявшими буддизм. Два столетия казахи были важной частью политической жизни Евразии: поддерживали отношения с Московским княжеством на западе, с джунгарами на востоке и узбеками Мавераннахра на юге, а также контролировали торговые пути, соединявшие эти государства.

Таким образом, в XVII веке династии Чингизидов правили всей Центральной Азией, за исключением Джунгарской степи. Новый политический порядок, сложившийся после восстановления чингизидской династии, носил чрезвычайно децентрализованный характер. Ханы

казахской степи правили своими подданными совместно с другими потомками Чингисхана. К началу XVIII века казахскую степь делили между собой три племенных союза, или жуза, которые в западной литературе обычно называются ордами: Младший жуз (Киши жуз), Средний жуз (Орта жуз) и Старший (Улы жуз). Государства Мавераннахра и Моголистана, сосредоточенные вокруг крупных городов, тоже были децентрализованными. Их ханы были старшими потомками династии Чингизидов. Им приходилось выстраивать отношения с другими Чингизидами, а также с не относящимися к Чингизидам тюркскими племенами, которые обеспечивали военную мощь государств. Тюркская военная элита (эмиры) рассчитывала на долю доходов, получаемых от сельского хозяйства и торговли, и всегда могла перейти от одного Чингизиды к другому. Следствием этого была слабость государственной власти и постоянная политическая нестабильность.

Период после восстановления династии Чингизидов зачастую рассматривается как период изоляции и упадка. Развитие европейской морской торговли, вероятно, нанесло решающий удар по Великому шелковому пути: перемещение трансевразийской торговли в океаны обрекло Центральную Азию на многие столетия упадка. В последние годы основные предпосылки, лежащие в основе этой теории, тщательно пересматриваются, однако она уже прочно укрепилась в нашем сознании. У ученых есть свидетельства продолжительных евразийских торговых связей, соединявших Центральную Азию с Индией на юге, Китаем на востоке, Русью на севере и Ираном на юго-западе^[7]. Торговые пути между Русью и Китаем также проходили через степь. Такая торговля продолжалась столетиями. Русские княжества возникли в IX веке, основанные по большей части скандинавскими купцами для контроля за доставкой серебра из Центральной Азии и с Ближнего Востока в Европу. Именно защита торговых путей стала основной причиной российской экспансии в степь в XVIII веке. Для Китая торговля в Центральной Азии тоже была важна, и династия Мин, сменившая монгольскую династию Юань в 1368 году, контролировала ее, ограничивая число купцов, которых пускали в Китай. Попытки империй контролировать торговлю сыграют большую роль в истории, рассказанной в этой книге.

Чингизиды продолжали править, но сталкивались со все новыми вызовами. Одной из сил, вставших у них на пути, был Тамерлан, другой – ислам. Травмы от монгольского завоевания и сопровождавших его разрушений породили многочисленные религиозные движения, выступавшие за истовое благочестие или, наоборот, за полное пренебрежение требованиями религиозного закона (не говоря уже о милленаристских сектах). В XV веке произошла консолидация суфийских общин по всей Центральной Азии. Суфизм – сложное явление (которое часто неточно растолковывают как исламский мистицизм): посвященные стремятся приблизиться к божественному посредством ритуалов поминовения Бога (*зикров*) и медитации (*муракабы*). Суфизм был общинным: желающего пойти по этому пути веры (*тарикат*) наставлял учитель, чей авторитет основывался на преемственности учения и правильной родословной. Отношения между учителем и учеником были чрезвычайно важны и порождали чувства преданности.

Связи между учителями и учениками передавались из поколения в поколение, образуя многочисленные цепочки передачи знаний (*силсилы*), в каждой из которых появлялись свои ритуалы и трактовки религии. Смутные времена монгольского нашествия привели к возникновению разных суфийских орденов. К XV веку такие ордены стали представлять собой формы как религиозной практики, так и социальной организации. Суфийские учителя (шейхи) обрели заметное влияние, становясь советниками правителей, и это влияние конвертировалось

в земли и материальные богатства. В Центральной Азии возникло несколько самых известных суфийских орденов в мусульманском мире. Орден Накшбандия, основанный Бахауддином Накшбанди (ум. в 1389), распространился по всему миру. Его ученики обратили в свою веру многих Чагатаидов. Суфии не только учили морали чагатайских правителей, недавно принявших ислам (и тем самым обретали политический и денежный капитал), но и сами становились источниками альтернативной власти – и боролись за власть политическую.

К началу XVI века караван религий, прошедший через Центральную Азию за последнее тысячелетие, ушел в прошлое. Земледельческие регионы Мавераннахра и Алтышара были преимущественно мусульманскими. Степь оставалась религиозным фронтиром, в Джунгарии преобладал буддизм, а ислам проникал в земли степных кочевников. При этом ислам был полностью адаптирован к местному укладу и служил важнейшим признаком общности и коллективной идентичности. Память местных жителей о переходе в ислам сохранялась не посредством исторического нарратива о вторжении, завоевании и принудительном обращении, а в мифах о происхождении, где обращение правителей в новую веру связывалось с образованием мусульманской общины. Заслуга обращения принадлежала святым, обычно суфийским наставникам, чья связь с Богом наделяла их способностью творить чудеса. Сатук Богра-хан (ок. 920–955), правитель-караханид Кашгарского оазиса, считается первым тюркским каганом, принявшим ислам. Он тайно перешел в новую веру в юности, когда общался с торговцами из Мавераннахра. Затем он восстал против своего дяди (правителя), сверг его с престола и обратил своих подданных в ислам. К Узбек-хану, чингизидскому правителю Золотой Орды, на монгольский церемониальный пир пришли четыре праведника и предложили ему принять ислам. Хан приказал своим шаманам побеседовать с новоприбывшими. Беседа превратилась в соревнование, кто сотворит больше чудес. И те и другие согласились на испытание огнем: по одному человеку с каждой стороны зайдут в печь, растопленную десятью телегами ветвей тамариска, и «тот, кто выйдет из огня, не сгорев, докажет истинность своей веры». Подошла очередь Бабы Туклеса, одного из мусульманских праведников, который вызвался поучаствовать в этом испытании. Он вошел в печь сам, читая суфийский зикр, и вышел невредим, а его оппонента загнали в печь насильно, и того сразу же поглотил огонь. Хан и все присутствующие приняли ислам^[8]. Тоглук-Тимур, чагатайский хан Моголистана, еще в молодости повстречал некоего шейха Джамалуддина. Встреча произвела на Тоглук-Тимура огромное впечатление, и он пообещал принять ислам, если когда-нибудь станет ханом. Когда он в самом деле стал ханом, Джамалуддин уже умер, но его сын Аршадуддин напомнил хану о его обещании. Тоглук-Тимур сдержал слово и принял ислам вместе со всеми своими князьями, кроме одного. Этим скептиком оказался человек по имени Джарас, который заявил, что примет ислам только в том случае, если Джамалуддин одолеет одного из его лучших бойцов. Аршадуддин должным образом одолел этого бойца одним ударом, после чего «собравшиеся издали громкий крик. В тот день 120 000 человек обрили головы и приняли ислам. Хан сделал себе обрезание, и свет ислама истребил тьму язычества и распространился по всему Чагатайскому улусу»^[9].

В XI веке Махмуд аль-Кашгари заявил, что «все тюрки... ведут свое происхождение от Тюрка, сына Иафета, сына Ноя»^[10], и эта версия стала аксиомой во всех мусульманских обществах Центральной Азии. Согласно исламским верованиям, Адам и Ной были первыми из большого числа посланников, которых Бог отправлял к людям, чтобы передать им свои указания. Они стали частью череды событий, знаменующих божественное вмешательство в людскую жизнь, кульминацией которого стало явление Мухаммеда, «печати пророков». Из этого следует, что дети Иафета были мусульманами изначально, но сошли с пути истинного и утратили ислам. А их обращение, к которому приложили руку праведники, лишь возвращение к прежней вере. В других мифах Али, зять пророка Мухаммеда, обитал в Мазари-Шарифе (в современном Афганистане) или в Шахимардане в Ферганской долине. Горная вершина недалеко от Шахимардана называется Троном Соломона и считается местом, где Соломон впервые

обратился к Богу. Эти священные места как бы растворяли время и пространство и соединяли Центральную Азию с самой сутью исламской традиции.

Важно помнить, что в ту эпоху мусульманство подразумевало принадлежность к общине, которая была мусульманской изначально, так что речь не шла об индивидуальной вере. Значение ислама в общественной жизни всегда было открыто для толкования и, следовательно, оспаривания. Социальная и политическая роль ислама всегда оказывалась предметом борьбы между различными силами. Постоянно меняющиеся отношения между теми, кто обладал политической властью, и теми, кто обладал полномочиями трактовать веру и ее закон, – учеными (*улемами*, «знающими») и суфиями – определяли, что означает ислам в данный исторический момент. Меняющиеся интерпретации ислама и споры по их поводу – одна из основных тем этой книги.

Цель этого в высшей степени пунктирного очерка истории Центральной Азии до XVIII века – познакомить читателя с некоторыми ключевыми чертами наследия, с которым жители Центральной Азии пришли к началу современности. Множество разных наследий сосуществовали параллельно: древние города в оазисах, степные кочевники, ислам и империя Чингизидов. Жители Центральной Азии определяли свои общества в зависимости от выбора в различных «либо/либо»: тюрки или таджики, кочевнический или оседлый образ жизни, степь или пахотные земли. Эти противопоставления играли важную роль в культурном воображении Центральной Азии, но не следует путать их с социальной реальностью, которая всегда оказывалась сложнее. В Мавераннахре кочевники и земледельцы не просто находились в непосредственном соседстве, многие кочевники сами занимались сельским хозяйством. Лингвистическая ситуация была столь же неоднозначной. Персидский язык стал языком высокой культуры к XI веку, а чагатайский тюркский – к XV веку. Оба эти языка сильно расходились в письменной и разговорной речи, которая, в свою очередь, делилась на разные диалекты. Письмо было особым видом деятельности. Письменные тексты предназначались как для демонстрации мастерства и владения культурными кодами, так и для передачи смысла. В персидском и чагатайском языках прослеживается ряд общих культурных моделей, общая вселенная значений и символизма, а также общая лексика. Более плодотворно было бы рассуждать о центральноазиатской культуре раннего Нового времени как о тюрко-персидской. Персидский язык имел гораздо меньшее значение для казахов, а к XVIII веку его стали реже использовать также в Хорезме и Алтышаре. Многие люди – особенно в Мавераннахре – говорили на обоих языках, однако именно ряд общих культурных ориентиров и практик, соединяющих края языковой пропасти, сделал культуру тюрко-персидской.

Империя

В один холодный февральский день 1881 года министр иностранных дел России Николай Гирс пожал руку цинскому дипломату Цзэн Цицзэ, подписав с ним договор, положивший конец так называемому Илийскому кризису. Кризис затрагивал Илийский край в Центральной Азии – территорию, на которую претендовал Китай и которую оккупировала Россия в 1870 году во время восстания, свергнувшего правление Цинов в Центральной Азии. Петербургский договор официально закрепил условия возвращения региона Китаю. Этот кризис помнят по сей день главным образом потому, что это единственный случай в XIX веке, когда испытывавшая трудности империя Цин одержала верх в дипломатической схватке с европейской державой. Как бы там ни было, этот договор стал важной вехой в истории Центральной Азии. Четко проведя между двумя государствами границу, охраняемую теперь международным правом, договор официально закрепил разделение Центральной Азии между двумя империями. Степь оказалась замкнута со всех сторон.

Раздел Центральной Азии на российскую и китайскую зоны окажется весьма устойчивым. Граница, которую обозначили тогда в Санкт-Петербурге, в той или иной мере существует и по сей день, хотя ни Российской, ни Цинской империи давно уже нет. Однако процесс, который привел к этому разделению, был долгим и сложным, и начать стоит как раз с его осмысления, а потом уже изучать его последствия для Центральной Азии. Мы окажемся в мире, где империи были нормальной формой политической жизни – в мире со своей собственной логикой, которой нам придется следовать на ее же условиях. Мы увидим, что появление этих двух империй в Центральной Азии едва ли можно было предсказать. В том, какую именно форму обрела Центральная Азия в эпоху империй, непредвиденные обстоятельства и случайности сыграли весьма важную роль.

Глава 2

Маньчжурское завоевание Восточного Туркестана

В 1755–1759 годах армии Маньчжурской империи захватили Джунгарию и Алтышар – и мусульмане Восточного Туркестана вошли в орбиту китайского политического порядка. Маньчжуры завоевали Китай в первой половине XVII века и основали династию Цин. Примерно в то же время западные монголы Джунгарской степи создали последнюю степную империю. Эти империи целое столетие боролись за власть в регионе, а затем Цин, располагавшая за счет китайской земледельческой экономики гораздо большими ресурсами, уничтожила джунгар в ходе серии молниеносных побед в 1750-х годах. На тот момент джунгары правили Алтышаром уже несколько десятков лет, однако теперь он стал частью империи Цин. Таким образом, в ходе конфликта между двумя империями Внутренней Азии Синьцзян стал частью Китая.

Ожесточенное соперничество между мусульманскими элитами Алтышара привело к тому, что регион оказался под властью джунгар. К середине XVII века правление Чингизидов оспаривали уже несколько разных сил. Суфийские ордена, возникшие после периода нестабильности, связанного с монгольским завоеванием, обрели значительное богатство и влияние. Суфийские учителя выполняли функции духовных наставников правителей, что поднимало их еще на один уровень выше к власти. В обмен на свои проповеди учителя получали земельные наделы и доходы. Наиболее важными суфийскими фигурами в Алтышаре были потомки учителя Накшбанди Ахмада Касани, известного как Махдум-и Азам («Величайший учитель»), который прибыл в Алтышар из Мавераннахра в 1580-х годах и обрел большое влияние при дворе Чагатаидов в Яркенде. Два клана наставников, происходящие от разных сыновей Махдум-и Азама, вскоре начали бороться за влияние и последователей. В 1670-х годах Афак Ходжа, глава одноименной ветви суфийского братства Афакия, потерял расположение чагатайского правителя Яркенда и был вынужден отправиться в изгнание. Десять лет он проповедовал в Кашмире, Тибете и Ганьсу. Предполагается, что во время своих путешествий он лично встречался с Нгавангом Лобсангом Гьяцо, пятым Далай-ламой. Из гораздо более позднего агиографического повествования мы узнаем, что ходжа и лама устроили соревнование чудес, в котором, что неудивительно, Афак Ходжа легко победил. Далай-лама был поражен и спросил Афак Ходжу, кто тот таков и откуда родом. «Я ученый и ходжа из мусульманского племени, – ответил он. – Жители Кашгара и Яркенда – мои ученики и последователи. Недавно явился некто, лишивший меня этих городов и изгнавший меня. Прошу вас повелеть кому следует, чтобы мне возвратили мою родину». Далай-лама был сильным правителем, объединившим большую часть Тибета в реформистском течении буддизма, духовное влияние которого распространялось на Западную Монголию. Он ответил Афак Ходже, что, хотя армии и трудно добраться до Алтышара из Тибета, он с радостью позовет на помощь своих монгольских учеников. Далай-лама написал письмо Галдан-хану, правителю джунгар, с просьбой вернуть два города Афак Ходже^[11].

Джунгары – это свободная конфедерация западных монгольских племен, которые объединил Батур-хунтайджи в 1635 году. Они пришли на земли к северу от гор Тянь-Шаня, чтобы контролировать длинные торговые пути между Россией, Мавераннахром и Китаем. За счет этой торговли новое государство наслаждалось процветанием. На протяжении следующих нескольких десятилетий джунгары строили города, окружали их стенами, развивали сель-

ское хозяйство и торговлю и сумели накопить достаточно ресурсов, чтобы вооружить свои армии пушками и порохом, причем большая часть оружия производилась местными умельцами. Джунгары приняли тибетский буддизм и создали письменный язык. Как и все степные империи, Джунгарское государство вело экспансионистскую политику. Галдан подчинился Далай-ламе и изгнал Исмаил-хана, последнего правителя Яркенда из Чагатаидов. Он посадил на трон Афак Ходжу и предоставил его самому себе в обмен на ежегодную дань. Поздний источник восточнотуркестанского происхождения утверждает, что с Кашгара ежегодно взымалась дань в размере 48 000 *тенге* (унций серебра), которую собирали джунгарские послы, приезжавшие сюда в сезон сбора урожая. Похоже, постоянного гарнизона в Алтышаре не было^[12]. Таким образом, суфийский деятель обрел в Алтышаре беспрецедентную светскую власть благодаря покровительству кочевников-буддистов.

Живучий стереотип, будто в исламе религия и политика тесно переплетаются, исторически несостоятелен. На протяжении большей части исламской истории религиозная и политическая власть принадлежала разным группам, и отношения между исламом и властью довольно часто менялись. Религиозная власть принадлежала людям, выделявшимся своим образованием и происхождением, и это наделяло их определенной харизмой. К XVII веку прежние разногласия между учеными-юристами (улемами) и суфиями удалось в значительной степени преодолеть благодаря возникновению суфийских орденов вроде Накшбандии, которые полагали, что верный путь к Богу – взаимодействие с миром, а не отречение от него. Однако у правителей тоже была своя аура. Само пребывание на престоле как таковое часто служило оправданием любых поступков, особенно в постмонгольскую эпоху, когда основным критерием законности служила принадлежность к роду Чингизидов. Улемы были готовы признавать любых правителей, которые соблюдали законы шариата. Однако ситуация постоянно менялась. Ходжи из Алтышара обрели богатство и влияние, консультируя правителей-Чингизидов, но вскоре их амбиции стали расти. Таким образом, Афак Ходжа представляет собой ту часть спектра, в которой суфийский *ишан* (наставник) стал правителем. Суфийские ритуалы стали частью общественной жизни, а в суфийских святилищах и ложах сосредоточилась верхушка политической власти – и всё это под покровительством джунгар^[13]. Однако после смерти Афак Ходжи в 1694 году конструкция довольно быстро рассыпалась, потому что двое его сыновей от разных браков стали бороться за власть. Чагатаиды попытались вернуть контроль над территорией, однако верх взяли ишак-ходжи, давние соперники Афакии. Джунгары посадили на трон своего лидера Данияля Ходжу и депортировали представителей рода Афак Ходжи в джунгарскую столицу в Кульдже, где держали их в заложниках. Для джунгар главное было – получать доход от Алтышара, и это единственное, что их интересовало. Если для Алтышара бремя джунгарской власти и было легким, то сами джунгары стремились развивать сельское хозяйство непосредственно в сердце своего государства, чтобы обеспечить постоянный источник зерна. Они перевезли группу крестьян из Алтышара на север в Джунгарию, где те строили ирригационные каналы и обрабатывали землю. Эта община получила название таранчи («земледельцы»), когда ее члены поселились на севере, который по большей части был кочевническим, и ислам там не приживался. И вот как раз они-то и стали первыми тюркоязычными мусульманами в степных землях Джунгарии.

Экспансия джунгар привела их к конфликту с династией Цин. Маньчжурские воины основали эту династию, когда свергли династию Мин и завоевали Китай – примерно в то же время, когда джунгары строили свое государство. Маньчжуров объединяли со степными народами многие традиции Внутренней Азии. На ранних этапах своих завоевательных походов

они покорили восточные монгольские племена и включили их в состав империи в качестве военной элиты. Нурхацзи, основатель династии Цин, женился на дочери монгольского вождя, и браки между императорской семьей и монгольской знатью стали обычным явлением. Династия Цин интересным образом соединила политическую идеологию Внутренней Азии и китайские методы организации и с помощью этой комбинации управляла самой густонаселенной империей того времени. Цин была династической империей, ею правила коалиция маньчжурских и монгольских воинов, которые считали, что отличаются от всех покоренных ими народов. Их отношения начались довольно мирно, когда в 1653 году джунгары отправили дипломатическую миссию в Пекин, но затем достаточно быстро ухудшились. Династия Цин ожидала, что джунгары станут вести себя как их вассалы, однако у Галдана (1677–1697 гг.), завоевателя Алтышара, были менее скромные амбиции. Обстановка накалялась, и в 1687 году началась первая из многих войн китайской державы против джунгар. У империи Цин было преимущество огромного земледельческого государства, однако значительные расстояния и размеры территории играли на руку джунгарам, обладавшим большой скоростью и мобильностью, и они раз за разом отражали нападения армии Цин. Джунгары оставались для Цин постоянной угрозой, однако последние осознавали опасность вторжения джунгар в империю и потратили несколько десятков лет на строительство оборонительных сооружений и военных путей на западе. Обретая новую силу, Цин распространили свое влияние на Восточный Туркестан. Мусульманские беки Кумула и Турфана стали вассалами и частью системы военного правительства.

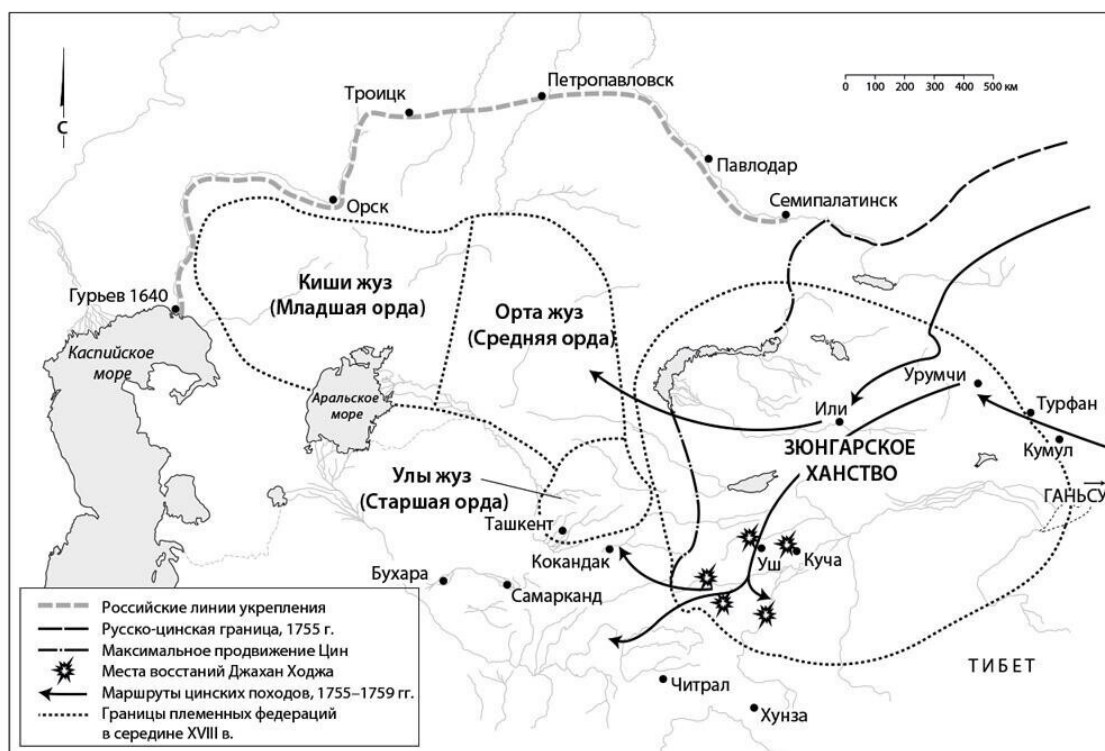
Смерть джунгарского правителя Галдана-Цэрэна в 1745 году положила начало борьбе за престолонаследие, давшей шанс династии Цин. Когда Амурсана, один из претендентов на трон, обратился к империи за помощью в 1755 году, император Цяньлун был только рад услужить – и цинские армии разгромили Давачи, соперника Амурсаны. Однако Амурсана не удовлетворился положением вассала империи и поднял восстание. Тогда у Цяньлуна, похоже, закончилось терпение. Он объявил о полномасштабном вторжении в земли джунгар, намереваясь решить проблему раз и навсегда. «Никакого милосердия к мятежникам, – командовал он. – Поощрить лишь слабых и стариков. Мы воевали слишком мягко. Если так продолжится и дальше, наши войска отступят и не миновать новых трудностей»^[14]. Это была грандиозная по своим масштабам кампания, длинные пути снабжения проходили по враждебной территории, однако войска справились с задачей. За следующие два года сражений имперская армия уничтожила джунгарский народ. Погибла пятая часть мужского населения Джунгарии, а женщин и детей распределяли в качестве слуг к военным командирам. Еще две пятых населения джунгар умерли от оспы, а остальные бежали на запад. Джунгария почти обезлюдела, и ее присоединили к империи Цин. «С такой политикой, – пишет Питер Пердью, ведущий специалист по истории той эпохи, – династии Цин удалось раз и навсегда силой добиться "окончательного решения" проблемы северо-западной границы Китая»^[15].

Экспансия династии Цин могла бы прекратиться уже на этом этапе, но обстоятельства сложились так, что она продолжилась. Джунгары удерживали Бурхануддина и Джахана, внуков Афак Ходжи, в качестве заложников в Кульдже. Китайцы освободили их и оказали им поддержку, чтобы сделать своими вассалами в Алтышаре. Однако после восстания Амурсаны братья тоже отказались от присяги династии Цин и попытались утвердить свою собственную власть. Император Цяньлун провел карательную экспедицию, и следующие два года цинские армии преследовали ходжей и их сторонников по всему Алтышару и Западному Туркестану. Братьев приютил Султан-шах, правитель Бадахшана (сейчас это Северный Афганистан), однако это убежище оказалось лишь временным. Когда цинские армии бросились в погоню по горячим следам, Султан-шах тянул сколько мог, но в итоге приказал убить братьев и отдал голову Джахана-ходжи маньчжурам. Трофеей привезли в Пекин и торжественным образом преподнесли императору, а затем выставили на всеобщее обозрение у главных ворот Запретного города^[16].

В погоне за ходжами войска Цин зашли на запад дальше, чем любая китайская армия за последнюю тысячу лет. Армии расположились лагерем на окраине Ташкента, а одно подразделение дошло до города Таласа, где за тысячу лет до этого произошло знаменитое сражение между китайскими и арабскими войсками. Цинские войска повсюду подчиняли себе местных правителей. К тому времени, когда кампанию свернули, несколько казахских и киргизских племен, правитель нового государства в Коканде в Ферганской долине и многочисленные мелкие правители из отдаленных регионов вроде Бадахшана, Читрала и Балтистана подчинились цинской армии. Династия Цин так и не заняла эти земли, и подчинение это было условным. Однако Джунгарию и Алтышар оккупировали и присоединили к государству, чье правительство располагалось в Китае. Территория империи Цин увеличилась в три раза.

Государство Цин управлялось из Китая, но до какой степени его можно считать именно китайским государством? Группа так называемых новых историков Цин в последние несколько десятков лет убедительно доказывает, что это была не просто очередная династия, которая полностью ассимилировала с китайской культурой. Скорее ее можно считать империей, завоевавшей Внутреннюю Азию, а Китай – лишь частью (хоть и очень важной) этой огромной державы. Династия Цин опиралась как на внутриазиатские, так и на китайские политические традиции. Как это было принято во многих империях Внутренней Азии, династия Цин полагала различия само собой разумеющимися и применяла разные методы управления для разных групп подданных, у каждой из которых были свои отношения с правящим домом. Китайские подданные династии Цин составляли подавляющую часть населения, но они по-прежнему были лишь одним из нескольких культурных образований империи. Как пишет Джеймс Миллуорд, «хотя империя и была центристской, в центре ее располагалась не абстрактная "китайская цивилизация" и даже не конфуцианский Сын Неба, а скорее дом Айсинь Гьоро в лице многоликого императора Цин»^[17].

Карта 2.1. Маньчжурское завоевание Джунгарии и Алтышара

Император даже представлялся по-разному разным группам подданных. Для ханьцев он был *хуан-ди*, императором и носителем Небесного мандата. Для маньчжуров и монголов он был ханом в рамках традиции Внутренней Азии, а для тибетцев – *чакравартином*, тем, кто поворачивает колесо буддийского закона. В мусульманской Центральной Азии император представлял себя правителем как в чингизидском, так и в исламском смысле: гарантом справедливости и порядка^[18]. Такая имперская идеология породила разные традиции управления разными частями империи. У собственно Китая (*нейди*) династия Цин переняла бюрократию, систему экзаменов и конфуцианский космологический порядок, хотя и держала ханьское население Китая на расстоянии. В китайских городах цинские гарнизоны размещались в обнесенных стенами поселениях, отдельно от местных жителей. В регионах за пределами Китая династия Цин стремилась не ассимилировать аборигенов и превратить их в китайцев, а удерживать власть за счет признания и управления различиями между подданными. Обширные территории Джунгарского ханства вошли в состав империи Цин как раз на таких условиях.

Цин назвали завоеванную территорию Синьцзян (что означает, как мы уже отмечали, «новый доминион»). Ее оккупировали маньчжурские и монгольские знаменные войска, а управлялась она не напрямую, а через посредничество местных элит. Важнее всего для династии Цин был север: в степи было где развернуться конной армии, а геополитическая конкуренция с Россией стала насущным вопросом. Именно там располагалась резиденция илийского генерал-губернатора (*цзянцзюня*), правителя новой территории и командующего подавляющей части оккупационной армии (которая до середины XIX века насчитывала около 40 000 человек, среди которых было равное число маньчжурских и монгольских знаменосцев и обычных ханьских солдат). Кроме того, Цин финансировала расселение китайских крестьян на государственных угодьях, чтобы заполнить земли, пустовавшие после геноцида джунгар. Каждый поселенец получил для своего нового хозяйства 30 му (около 2 га) земли, инструменты, семена, лошадь и ссуду в 2 лян серебра^[19]. Переселение было не слишком масштабным, зато уже на раннем этапе север стал оплотом цинской власти в регионе. На востоке

особое место занимали оазисы Кумул и Турфан. У них были давние исторические связи непосредственно с Китаем, как торговые, так и политические, и их мусульманские правители подчинились династии Цин задолго до поражения джунгар. Несколько иной была ситуация на юге (который в Цин именовали Хуэй-цзу, «мусульманским регионом»). Военное присутствие здесь было не таким сильным и ограничивалось военным гарнизоном, который сменялся раз в три года. Каждый оазис контролировали наместники (*баниши дачен*), которые подчинялись советникам в Кашгаре и Яркенде, а те, в свою очередь, генерал-губернатору Или в Кульдже. Эти наместники были в основном маньчжурскими или монгольскими знаменными воинами и занимались в первую очередь обороной. Гражданское управление – сбор налогов, разрешение споров, надзор за базарами – было передано мусульманским чиновникам, а местное мусульманское население по-прежнему подчинялось исламскому праву, над которым надзирали беки и ахуны. Многие из этих мусульманских чиновников были выходцами из Кумула и Турфана, восточных регионов, которых с династией Цин связывала более давняя история. Эмин Ходжа, бек Турфана, получил звание *цзюньвана* («командующего князя») по наследству, и его назначили первым наместником в Алтышаре со штаб-квартирой в Яркенде. Он отвечал почти за всю переписку с вассалами династии Цин сразу после завоевания и помог доставить останки двух хождей в Пекин^[20]. Во время цинской военной оккупации Алтышаром управляла мусульманская элита.

Власти, представляющие династию Цин, занимали укрепленные крепости, которые построили по всему Синьцзяну. (Гарнизоны Цин в самом Китае тоже огораживали стенами.) На севере цинские крепости преобразились в крупные города, где проживало много китайцев. Урумчи довольно быстро превратился в центр торговли. В источнике 1777 года о нем говорится как о «самом процветающем и густонаселенном месте за Перевалом»^[21]. В городах-оазисах юга династия Цин строила крепости рядом с уже существовавшими городами. Они назывались новыми городами (*синьчэн*) или маньчжурскими городами (*маньчэн*). В Кашгаре в 2 ли (1 км) на северо-запад от Старого города возвели комплекс с крепостной стеной, где находились казармы, оружейный склад и правительственные здания. Укрепленные гарнизоны служили для обороны, а еще обозначали в пространстве разделение между правителями и подданными. Правителями были маньчжуры и монголы, а подданными – местные турки-мусульмане. Ханьцы занимали в этой системе уникальное место. Китайские крестьяне расселялись на севере. На юг они приезжали в основном ради торговли. Снабжение армий было целой индустрией, но помимо этого ханьцы развернули розничную торговлю по всему региону и принялись налаживать связи с Россией. Династия Цин не позволяла ханьским купцам селиться в Алтышаре и привозить туда свои семьи. Отчасти они поступали так из осторожности, пытаясь не нарушать только-только зарождавшийся порядок и сдерживая расширение и так густонаселенных компактных мусульманских оазисов, а отчасти потому, что юг не слишком интересовал их. Ханьские купцы жили за пределами старых городов, в цитаделях, построенных династией Цин, или рядом с ними. Значительная часть китайского населения, приехавшего в Синьцзян, была мусульманской. Мусульмане, говорившие по-китайски, которых теперь называли хуэй-цзу, уже несколько веков строили в Китае свою общину. В Синьцзяне, где их называли дунганями или тунганями на местном тюркском языке, у них была двойная идентичность: общая вера с тюркским населением нового региона и общий язык с ханьскими торговцами и другими поселенцами. Династия Цин относилась к ханьцам, и подчинялись они цинским законам, а не исламским. Притом что Синьцзяном управляли маньчжурские военные чиновники, а не ханьцы, дунгане не играли в регионе роль посредников между культурами. На самом деле они были гораздо ближе к ханьским купцам или крестьянам и часто служили династии Цин. Исламская солидарность не определяла их отношения к тюркоязычному мусульманскому населению нового цинского региона.

Представители тюркской мусульманской элиты носили множество разных титулов, но в совокупности их называли *ванами*. Самых высокопоставленных ванов принимали при дворе в Пекине, их биографии включались в государственные исторические записи, а их портреты висели в Зале пурпурного сияния в Запретном городе. Ваны Кумула управляли своими округами как, по сути, автономные феодалы, извлекая прибыль из права на барщинный труд своих подданных. Другие ваны обладали меньшей властью, но все равно принадлежали к имперской аристократии. Благодаря такой системе непрямого управления мусульманам казалось, что они по-прежнему живут по исламским порядкам. Династия Цин и местное мусульманское общество воспринимали мусульманских ванов совершенно по-разному. В глазах династии они говорили по-маньчжурски и по-китайски и выражали свою покорность согласно цинскому церемониалу. Для мусульман же они представляли слугами ислама и редко упоминали о правящей в Пекине династии. После смерти Эмина Ходжи его сын, ван Сулейман, построил в Турфане медресе, дабы почтить память отца. На фасаде здания нанесены надписи как на китайском, так и на тюркском языках. В китайской надписи у Эмина статус «вернувшегося слуги императора Цяньлуна Великой династии Цин»^[22]. В тюркской надписи о династии Цин умалчивается, а лишь воздается благодарность Богу. Когда императора династии Цин упоминали в мусульманских источниках, его называли Хакан-и Чин («император Китая») – это чингизидский термин, давно укоренившийся в Центральной Азии. При непрямом управлении мусульманским элитам в цинском Синьцзяне казалось, будто они по-прежнему живут по исламским порядкам. Были и другие способы сделать вид, что Алтышар не завоеван неверными. Историк Молла Муса Сайрами в начале XX века утверждал, что первые ваны фактически попросили Цин навести в регионе порядок. «Несколько человек собрались обсудить кризис в стране», – писал он. В силу того что ходжи оказались не в состоянии справиться с ситуацией, по словам собравшихся, «земля и люди пребывали в опустошении», эти люди решили обратиться к кагану Китая за военной помощью. «Если он приведет войска и отнимет власть у ходжей, Алтышар станет частью Китайского ханства и наша земля станет процветать, а дети будут жить в спокойствии». Семь человек отправились к кагану Китая с просьбой о помощи. Император не только отправил большое количество войск навести порядок в Алтышаре, но и наградил этих семерых высокими должностями и титулами за их заслуги. Еще Сайрами рассказывал легенду, согласно которой императоры Китая в прошлом были мусульманами^[23].

При таком толковании истории реальность включения Алтышара в состав немусульманской империи сильно смягчалась. Несмотря на все эти ухищрения, легитимность правления династии Цин в Синьцзяне оставалась шаткой. Возможно, беки и осуществляли власть в исламских и центральноазиатских традициях, но империи Цин так и не удалось в полной мере привлечь на свою сторону исламские органы власти. Недовольство малоэффективным управлением и злоупотреблением властью, как со стороны маньчжурских офицеров, так и со стороны мусульманских беков, в сочетании с беспокойством о судьбе мусульманских женщин привело к ряду восстаний. Первое вспыхнуло в отдаленном западном городе Уши (или Учтурфан) в 1764 году. Династия Цин не разрешала своим воинам или китайским торговцам брать с собой семьи. Вследствие этого в регионе процветала проституция, а цинские правители и воины брали мусульманок в жены или наложницы^[24]. В 1764 году в Уши цинский наместник Сучэн вместе с сыном похищал местных женщин, а Абдулла, местный хаким, вымогал деньги у населения. Сучэн принудил 240 человек нести его багаж, когда отправился с официальным караваном в Пекин, и это вызвало бунт, в ходе которого горожане убили Абдулла, Сучэна и вырезали цинский гарнизон. Когда прибыла карательная экспедиция, они укрылись за городской стеной и выдержали несколько месяцев осады. Возмездие маньчжуров было суровым. Когда город наконец сдался, около 2350 мужчин казнили, а около 8000 женщин и детей перевезли в Или и обратили в рабство. Однако за этим восстанием последовали многие другие. Они были связаны с тем, как развивались события в Западном Туркестане, за пределами империи Цин.

Глава 3

Коканд и цинское серебро

Одним из мелких князей, с которыми встретились цинские генералы во время завоевания Центральной Азии, был Ирдана-бий, правитель молодого государства Коканд в Ферганской долине. Ирдане не осталось другого выбора, кроме как поприветствовать цинских посланников и подчиниться императору Цяньлуну. Однако формальное признание китайского владычества не слишком ограничивало его на практике. Он и его преемники воспользовались силами династии Цин для развития своего государства и превратили Коканд в державу, которая какое-то время диктовала свои условия в Алтышаре.

Коканд возник в начале XVIII века в контексте длительного регионального кризиса, ослабившего династию Тука-Тимуридов (ветвь Чингизидов), которая правила Бухарой. Законность своей власти Чингизидам по-прежнему приходилось доказывать своим подданным с помощью изрядной щедрости. Длительный финансовый кризис подрывал доверие к власти узбекских эмиров, к Чингизидам не принадлежавших. Недовольство эмиров выразилось в отказе делиться доходами со столицей и посылать своих бойцов на войны, объявленные ханом. Таким образом Ферганская долина вышла из-под контроля династии. В политическом вакууме оказалась группа ходжей, связанных с жителями Алтышара, которые стремились к политической власти. Примерно в 1706 году узбекский эмир по имени Шахрух расправился с ними и сам захватил трон. Шахруху и его потомкам в каком-то смысле повезло, потому что Ферганская долина избежала ряда бедствий, обрушившихся на остальной Мавераннахр в первой половине XVIII века; это позволило их государству выжить и укрепиться.

Экспансия джунгар привела их к конфликту с казахами. В 1723 году джунгары одержали крупную победу, а казахи – после так называемого «босоногого бегства» – рассеялись на западе и юге: от безысходности они отступили в направлении Мавераннахра, где их появление привело к краху династии Тука-Тимуридов. Никак не связанное с этими событиями вторжение армий Надир-шаха, повелителя Персии, туркомана по происхождению⁶, меж тем означало крах власти Чингизидов в Мавераннахре. Надир начал свою карьеру главой мелкой шайки разбойников, совершавших набеги близ Мешхеда. Когда династия Сефевидов рассыпалась в результате восстания военачальников с ее восточной периферии (в современном Афганистане), Надир укрепил свою власть и в конечном итоге сам вззошел на престол. Он организовал целую серию масштабных военных походов: на запад в Османскую империю, на восток в Индию, где, разграбив Дели, положил конец империи Великих Моголов, и на север в Мавераннахр, куда его армии вторгались в 1737 и 1740 годах. Сила Надира заключалась в огромной многонациональной армии с пушками и огнестрельным оружием. В его армии, по разным оценкам, было от 80 000 до 200 000 бойцов – огромная сила. Армия состояла из воинов на регулярном жалованье, набранных на многочисленных завоеванных территориях и организованных по десятичной системе. Порохового оружия, как у этой армии, в Центральной Азии еще не видели. Всего после одного сражения бухарский хан Абулфейз-хан покорился Надиру. Хоть хана и оставили на троне в качестве вассала, судьбу династии решили завоевания Надира. В 1747 году, когда Надира убили его же собственные офицеры, один из его узбекских подданных, Мухаммад Рахим из племени мангытов, устроил переворот в Бухаре. Он приказал убить Абулфейза и поставить на его место хана-марионетку из рода Чингизидов. Спустя десять лет

⁶ Туркоманы (туркмены) – термин, традиционно использовавшийся на Ближнем и Среднем Востоке в качестве обозначения тюркских народов огузской ветви. Этот и сходные этнонимы в исторической перспективе относятся не к центральноазиатским туркменам (туркменам Туркменистана), а к туркам, азербайджанцам и в целом к ближневосточным огузам-кочевникам.

Мухаммад Рахим отказался от этого спектакля и принялся править от своего имени. Династия Мангытов, которую он основал, просуществует вплоть до XX века^[25].

Военные действия Надир-шаха в Мавераннахре низвергли регион в каменный век. Самарканд обезлюдел, сошла на нет торговля, медресе пришли в запустение, огромный ущерб был нанесен сельскому хозяйству, ирригационным системам. Чуть лучше обстояли дела в Бухаре, и вскоре она заметно ожила. Обратившись в ислам, мангыты компенсировали дефицит легитимности Чингизидов. Они покровительствовали улемам и медресе, и к середине XIX века город прославился под названием Бухара-и-Шариф (Благородная Бухара), считался крупным центром исламского образования и привлекал студентов со всей Центральной Азии, а также из волго-уральских земель на севере^[26]. Торговля на дальние расстояния с Россией продолжалась, и бухарские эмиры занялись модернизацией своих вооруженных сил. Мангыты стремились подорвать племенную власть, создав постоянную армию, которая подчинялась непосредственно дворцу, и выдвигая на высокие должности чужаков (обычно иранских или джунгарских рабов, захваченных в бою), которые были им лично обязаны.

В Хорезме на севере кунградские узбеки правили от своего имени. Они поддерживали тесные отношения с соседями-туркменами, и это позволяло им вместе отражать нападения враждебных узбекских племен. Транзитная торговля через Хиву процветала, и в XIX веке город начал масштабно отстраиваться. Ни династия Цин, ни русские в этих событиях значимой роли не сыграли. Мавераннахр по-прежнему был частью иного театра дипломатических и военных действий, связанной гораздо более тесно с югом.

Фергана оставалась вне поля зрения Надир-шаха. Постоянные раздоры в Мавераннахре привели к массовой миграции населения в долину. Постепенно она превратилась в густонаселенный сельскохозяйственный центр, а население росло на протяжении всего XVIII века. И именно в связи с этим династия Цин втянула Коканд в свою орбиту. То, что Ирдана подчинился маньчжурам, мало в чем его ограничило, зато подарило ему много преимуществ. Он отправлял послов с данью в Пекин, и они возвращались от императора с щедрыми дарами, а с ними ездили торговцы, освобожденные от уплаты пошлин. Ирдана завел обычай отправлять туда столько делегаций, сколько позволяла династия Цин. По некоторым подсчетам, Коканд отправил в Кашгар в период с 1761 по 1821 год 48 миссий, восьми из которых разрешили отправиться в Пекин^[27]. Кроме того, подчинение династии давало кокандским торговцам право торговать с Синьцзяном по льготным налоговым ставкам. Ферганские купцы издавна торговали в Восточном Туркестане. Теперь же отношения Коканда с династией Цин позволили значительно расширить масштаб их деятельности. За следующие два-три поколения андижанские купцы Коканда выстроили прочные торговые сети в Восточном Туркестане и укрепились в позиции посредников в торговле между Россией и династией Цин.

Развитие торговли способствовало значительной территориальной экспансии^[28]. К началу XIX века Коканд превратился в сильную региональную державу. Алим-хан (1799–1811 гг.), правнук Ирданы-бия, провел ряд военных реформ, в том числе создал регулярную армию, что позволило Коканду во много раз расширить свою территорию. Войска Коканда двинулись на север, в земли киргизских и казахских кочевников, с намерением установить контроль над торговыми путями. Они построили крепости на реке Чу и дальше вниз по течению Сырдарьи, взяли степь под более жесткий контроль, чем любое другое оседлое государство со времен Тамерлана. Ферганская долина стала притягивать переселенцев как из Мавераннахра, так и из Алтышара. Ханы Коканда наладили строительство оросительных каналов, что привело к стремительному росту сельского хозяйства. Ферганская долина стала густонаселенным сельскохозяйственным центром.

Алим принял высокий титул хана, по обычаю доступный лишь тем, кто заявлял о своем происхождении от Чингисхана по мужской линии. По инициативе Алима был создан новый легитимирующий миф, согласно которому династию Шахрухидов с Тамерланом связывал

Захир-ад-дин Мухаммад Бабур, основатель империи Великих Моголов в Индии. Бабур был князем тимуридского происхождения, которого узбеки-завоеватели под предводительством Шейбани-хана изгнали с родины его предков. По легенде, он оставил там в золотой колыбели новорожденного сына, которого спасли и вырастили местные жители и который основал племя мингов, давшее начало династии Шахрухидов. Помимо этих фиктивных притязаний на происхождение от Тамерлана, Умар-хан (1811–1822 гг.), брат и преемник Алима, создал придворную культуру по примеру Тимуридов и покровительствовал поэтам, художникам и историкам во всей Центральной Азии. Умар и сам достиг кое-каких высот в поэзии. Его старшая жена Нодира тоже писала стихи, так что у обоих были свои литературные салоны. Коканд стал центром ренессанса литературы на чагатайском языке. Алим многое делал и для исламской религии. Он финансировал строительство главной мечети и ряда медресе, а ученым предоставлял sinecеры. В дополнение к ханскому титулу он принял титул *амира уль-муслимин* («повелителя мусульман»). Летописцы писали о нем хвалебные речи, наделяя его репутацией благочестивого правителя, и с любовью вспоминали его правление.

Умар умер в возрасте 36 лет, и отчасти причиной столь ранней кончины стала его любовь к вину. В 1822 году на престол взошел его 14-летний сын Мухаммад Алихан, отличавшийся своеволием. Он был большим любителем удовольствий и особо не старался скрывать своей склонности к азартным играм, выпивке и распутству. Однако настоящий скандал вызвало его увлечение одной из младших жен отца. Мухаммад был немногим младше дочери хана падишаха, на которой женился его отец в конце своей (надо признаться, довольно недолгой) жизни, и Мухаммад влюбился в нее еще до того, как она овдовела. Как только он стал ханом, он нарушил все табу и женился на своей мачехе^[29]. Он даже нашел какого-то улема, который узаконил брак на том основании, что у Мухаммада уже был пенис, когда он выходил из утробы своей матери, а раз касаться в этот момент пенисом вагины своей матери допустимо, значит, допустимо касаться и вагины своей мачехи. Подобного рода гибкость толкования мало на кого произвела впечатление, однако ж Мухаммад правил более двадцати лет, и Коканд при нем развивался и рос.

Тем временем сага о ходжах из Алтышара продолжилась и определила судьбу Коканда на рубеже XVIII и XIX веков. Династии Цин удалось добиться от султана Бадахшана выдачи двух братьев, бросивших им вызов в 1763 году, а также трех из четырех сыновей ходжи Бурхануддина. (У его брата Джахана детей не было.) Четвертому же сыну, Саримсаку, удалось спастись. Слуги укрыли его в безопасном месте, и в конце концов он оказался в Коканде. В 1788 году династия Цин потребовала выдать его, но Нарбута-бий, тогдашний правитель Коканда, ответил отказом. Несмотря на то что Коканд подчинялся династии Цин, в действительности сюзерен никогда не вмешивался в дела своего вассала. Отказ выдать Саримсака, по сути, свидетельствовал о том, что Нарбута не считал себя в полной мере вассалом династии Цин^[30]. Хотя Цин по-прежнему собирали с Коканда дань, реального контроля над ним у них не было. В начале XIX века баланс сил сместился в пользу Коканда. Теперь это была мощная военная держава, чьи купцы главенствовали в торговле Алтышара.

Похоже, Саримсак-ходжа доживал свои дни в Коканде в золотой клетке. Ханы всегда с опаской относились к бесконтрольной власти религиозных элит и не хотели, чтобы она мешала их плодотворным отношениям с династией Цин. Джахангир-ходжа, сын Саримсака, меньше любезничал со своими сюзеренами. В 1814 году он вышел из Коканда под покровом ночи и, собрав более 300 соплеменников-киргизов, напал на Кашгар. В Алтышаре было всего 4000–5000 солдат, но их оказалось достаточно, чтобы отразить вторжение Джахангира. Поте-

ряв многих воинов, он бежал обратно в Коканд, где Умар-хан отчитал его, однако затем оставил в покое. Похоже, эта неудача не поколебала решимости Джахангира, поскольку в 1820 году он повторил попытку и снова потерпел поражение. Тогда Умар посадил его под домашний арест. Спустя два года, когда Умар умер и на трон взошел его юный сын, Джахангир снова бежал, на этот раз в киргизские кочевья, где на протяжении еще двух лет собирал сторонников.

В 1826 году Джахангир начал полномасштабное вторжение в Алтышар, возглавив отряд из нескольких сотен человек, куда входили киргизские кочевники и другие его приверженцы из Коканда и Бухары. Он направился к мавзолею Сатук Богра-хана, первого тюркского правителя, принявшего ислам, в городе Атуш, недалеко от Кашгара. Там он столкнулся с воинами империи, которые окружили его людей. Нескольким спутникам Джахангира удалось бежать в соседнее поселение, где они призвали жителей на помощь, а он сам тем временем всю ночь прятался в мавзолее с двумя товарищами. Помощь пришла как раз в тот момент, когда казалось, что его песня спета. Услышав, что Джахангир вернулся, местные жители, из которых многие были членами суфийского братства Афакия, отправились к мавзолею. Началась кровавая бойня, и цинские войска потерпели поражение. Джахангир вышел из мавзолея лишь после окончания боя. Как только люди увидели его, «вся исламская армия, – по словам кокандского летописца, – собралась перед Джахангиром-ходжой на кладбище и пала на колени. Затем его с большим почетом усадили на быстрого породистого коня. Услыхав эту новость, все люди, и стар и млад, выходили приветствовать Джахангира-ходжу на пути в Кашгар»^[31]. Его встречали как освободителя, и его люди захватили Гульбах, крепость с цинским гарнизоном, а китайские войска бежали на восток. К осени Джахангир принял титул Сеида Джахангира-султана и стал править Яркендом и Хотаном. Сам Джахангир считал, что всего лишь вернул себе то, что принадлежит ему по праву. «Кашгар и эти [другие] места – земли моих предков», – сообщал он Цинам позднее^[32]. Рассказы о богатых купцах из разных городов, отправляющих к Джахангиру людей и деньги, указывают на то, что многие восприняли его приход к власти как возвращение ходжи, чью власть за шестьдесят лет до того узурпировала династия Цин. Народное восстание вернуло ходже власть.

Масштабы бунта ошеломили цинский двор. Зимой 1826/27 года они перебросили тысячи солдат с севера и в марте 1827 года в жесточайшем бою отвоевали Кашгар. Джахангир бежал, и тысячи китайских воинов выслеживали его несколько месяцев. В феврале 1828 года Джахангира наконец схватили и доставили в Пекин в сопровождении 2000 солдат. Там его допросили, а затем казнили, разрубив на части. Династии Цин восстановление власти стоило много крови и унижений, а кроме того, привело к спорам о месте Алтышара в империи. Маньчжурские советники в Синьцзяне выступали за сокращение расходов в Алтышаре, ссылаясь на слишком высокую цену оккупации региона. «У четырех западных городов враги со всех сторон, эту территорию не стоит охранять, а людей не стоит подчинять, – писал Вулонга, кашгарский советник. – Эта территория для Алтышара обременительна и чересчур уязвима»^[33]. Содержание Синьцзяна и правда всегда обходилось дорого. Доходов, получаемых с этого региона, вечно не хватало, и, чтобы обеспечить там возможность правления Цин, центру приходилось ежегодно направлять туда огромные субсидии в серебре. Система распределения доходов по принципу *сиесяня* («общей платы»), распространенная в Китае, в Синьцзяне всегда зависела от этих выплат. К 1828 году ежегодный *сиесян*, отправляемый в Синьцзян, составлял 830 000 таэлей^[34].

У Вулонги были свои резоны, однако его мнение яростно оспаривали многие интеллектуалы и бюрократы в Пекине, уже давно утверждавшие обратное – что весь Синьцзян, в том числе Алтышар, необходимо более тесно интегрировать в империю и ввести там китайскую структуру управления. Для решения новых задач, стоящих перед империей, была создана школа административного управления. В 1820 году Гун Цзычжэнь (1792–1841), молодой студент этой школы, написал «Предложение об учреждении провинции в западных регионах», в котором решительно выступал против «глупых ученых с поверхностными взглядами и студентов-деге-

нератов из бедных деревень», которые считали, что Синьцзян истощает ресурсы империи. Сами небеса повелели династии Цин провести экспансию на запад, и называть напрасной жертву маньчжурских знаменных войск и простых китайских солдат нельзя. «Если мы хотим сохранить свои заслуги, приумножить и расширить их, то нет ничего лучше, чем обдумать и взвесить принцип потерь и выгод, – писал Гун. – А в чем же заключается этот принцип? Его можно выразить всего в двух предложениях: "Привозить людей из центра, чтобы принести пользу западу" и "Привозить богатство с запада, чтобы принести пользу центру"». Гун предложил государству профинансировать переселение на запад изъявивших такое желание китайских крестьян и обработку колонизированных земель, что решило бы проблему перенаселения самого Китая и сделало Синьцзян более прибыльным владением. Эти меры предлагалось сочетать с учреждением гражданской бюрократической администрации взамен военной системы и системы беков в Синьцзяне. Гун признавал, что такие реформы потребуют «чрезвычайно больших» затрат, но был уверен в том, что через двадцать лет они «окупятся десятикратно». Таким образом, Гун косвенным образом отвергал саму суть политики Цин в Синьцзяне, основанной на сохранении региона в качестве маньчжурского «заповедника», отличного от собственно Китая. Гражданская администрация, по замыслу Гуна, должна управлять знаменными войсками, чьи преимущества будут заключаться в более низких налогах, а также в том, что, когда «они совершают правонарушения, ни одно должностное лицо рангом ниже окружного судьи не имеет права бить их палкой»^[35]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Information Office of the State Council, "History and Development of Xinjiang," May 26, 2003, <http://en.people.cn/200305/26/eng20030526117240.shtml>. Еще более убедительно тот же аргумент повторяется в другом официальном документе, опубликованном Государственным советом в июле 2019 года, согласно которому различные «этнические культуры» Синьцзяна составляют «часть китайской культуры» и не могут существовать независимо (Information Office of the State Council, "Historical Matters Concerning Xinjiang," July 22, 2019, http://english.scio.gov.cn/2019-07/22/content_75017992_6.htm).

2.

Точное местоположение этой точки зависит от определения «открытой воды» и ближайшей береговой линии. Это наиболее общепринятая точка, однако в том же районе можно найти и другие альтернативные варианты континентальных полюсов. Дискуссию об этих альтернативных вариантах можно найти у Даниэля Гарсии Кастелланоса и Умберто Ломбардо в статье «Полюса недоступности: алгоритм расчета для самых отдаленных мест на Земле» (Daniel Garcia-Castellanos and Umberto Lombardo, "Poles of Inaccessibility: A Calculation Algorithm for the Remotest Places on Earth", *Scottish Geographical Journal* 123 [2007]: 227–233).

3.

James A. Millward, *The Silk Road: A Very Short Introduction* (Oxford: Oxford University Press, 2013).

4.

.'Ala-ad-Din 'Ata Malik Juvaini, *The History of the World Conqueror*, trans. J. A. Boyle (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1958), 1:97–98. К сожалению, на русский язык этот труд переведен только с английского перевода. См.: Джувейни Ата-Мелик. Чингисхан. История завоевателя мира. – М., 2004. – Прим. ред.

5.

Hafiz Abru, *A Persian Embassy to China, Being an Extract from Zubdatu't Tawarikh of Hafiz Abru*, trans. K. M. Mitra (Lahore, 1934; repr., New York: Paragon, 1970), 12–15.

6.

Juvaini, *The History of the World Conqueror*, 1:104–105.

7.

Scott C. Levi, *The Bukharan Crisis: A Connected History of 18th-Century Central Asia* (Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2020), chap. 3; Erica Monahan, *The Merchants of Siberia: Trade in Early Modern Eurasia* (Ithaca, New York: Cornell University Press, 2016).

8.

Devin DeWeese, *Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition* (University Park: Pennsylvania State University Press, 1994), 541–543.

9.

Mirza Haidar Dughlat, *Tarikh-i-Rashidi: A History of the Khans of Moghulistan*, in *Classical Writings of the Medieval Islamic World: Persian Histories of the Mongol Dynasties*, trans. Wheeler Thackston (London: I. B. Tauris, 2012), 1:6.

10.

Mahmūd al-Kāshġ arī, *Compendium of the Turkic Dialects (Dīwān Luyāt at-Turk)*, ed. And trans. Robert Dankoff (Cambridge, MA: Harvard University Printing Office, 1982), 1:82.

11.

Muḥ ammad Ş adīq Kashghari, *In Remembrance of the Saints: Muḥammad Şadiq Kashghari's Tazkira-i 'Azizan*, trans. David Brophy (New York: Columbia University Press, 2020), 34.

12.

James A. Millward, *Beyond the Pass: Economy, Ethnicity, and Empire in Qing Central Asia, 1759–1864* (Stanford, CA: Stanford University Press, 1998), 92; Henry G. Schwartz, "The Khwājas of Eastern Turkestan," *Central Asiatic Journal* 20 (1976): 266–296.

13.

Alexandre Papas, *Soufisme et politique entre Chine, Tibet et Turkestan: Etude sur les Khwājas naqshbandīs du Turkestan oriental* (Paris: Librairie d'Amérique et d'Orient, 2005).

14.

Peter C. Perdue, *China Marches West: The Qing Conquest of Central Eurasia* (Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press, 2005), 283.

15.

Там же, 285.

16.

Laura J. Newby, *The Empire and the Khanate: A Political History of Qing Relations with Khoqand, c. 1760–1860* (Leiden: Brill, 2005), 21–27.

17.

Millward, *Beyond the Pass*, 201.

18.

Hodong Kim, *Holy War in China: The Muslim Rebellion and State in Chinese Central Asia, 1864–1877* (Stanford, CA: Stanford University Press, 2004), 69.

19.

Millward, *Beyond the Pass*, 51.

20.

Kwangmin Kim, "Profit and Protection: Emin Khwaja and the Qing Conquest of Central Asia, 1759–1777," *Journal of Asian Studies* 71 (2012): 603–626; David Brophy, "The Kings of Xinjiang: Muslim Elites and the Qing Empire," *Études orientales* 25 (2008): 69–90.

21.

Цит. по: Millward, *Beyond the Pass*, 133.

22.

Brophy, "The Kings of Xinjiang," 84.

23.

Molla Musa Sayrami, *Tarikhi äminiyä*, ed. Mähämmät Zunun (Ürümchi: Shinjang Khälq Näshriyati, 1989), 28 (see 38–42 for the legend of the emperors' conversion).

24.

Millward, *Beyond the Pass*, 205–208.

25.

Scott C. Levi, *The Bukharan Crisis: A Connected History of 18th-Century Central Asia* (Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2020).

26.

James Pickett, *Polymaths of Islam: Power and Networks of Knowledge in Central Asia* (Ithaca, New York: Cornell University Press, 2020).

27.

Tōru Saguchi, "The Eastern Trade of the Khoqand Khanate," *Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko*, no. 24 (1965): 51.

28.

Scott C. Levi, *The Rise and Fall of Khoqand, 1709–1876: Central Asia in the Global Age* (Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2017).

29.

Там же, 148–149.

30.

Laura J. Newby, *The Empire and the Khanate: A Political History of Qing Relations with Khoqand, c. 1760–1860* (Leiden: Brill, 2005), 55.

31.

Hājjī Muḥ ammad Ḥ ākim Khān, *Muntakhab al-tavārikh*, trans. Scott C. Levi, in *Islamic Central Asia: An Anthology of Historical Sources*, ed. Scott C. Levi and Ron Sela (Bloomington: Indiana University Press, 2010), 276–277.

32.

Цит. по: Newby, *The Empire and the Khanate*, 94.

33.

Там же, 110.

34.

Millward, *Beyond the Pass*, 59.

35.

Gong Zizhen, "Xiyu zhi xingsheng yi," in Gong Zizhen, *Gong Zizhen quanji* (Shanghai: Shanghai renmin chubanshe, 1975), 105–112. For an English translation, see David C. Wright, "Gong Zizhen and His Essay on the 'Western Regions,'" in *Opuscula Altaica: Essays Presented in Honor of Henry Schwarz*, ed. Edward H. Kaplan and Donald W. Whisenhunt (Bellingham: Center for East Asian Studies, Western Washington University, 1994), 655–685.